

Сад, который мы делили

Злата Ковалик

Злата Ковалик

Сад, который мы делили

«Автор»

2026

Ковалик З.

Сад, который мы делили / З. Ковалик — «Автор», 2026

Агроном Дарья Левина вложила всё в восстановление заброшенного городского сада — деньги, имя мастерской и квартиру, которой обеспечен кредит. Ради большого заказа она объединяет силы с мастерской давнего конкурента Матвея Корина. Но когда молодые липы начинают гибнуть, Дарья обнаруживает причину в собственной карте грунта. Деловой партнёр предлагает обвинить питомник и сохранить контракт. Матвей мог бы прикрыть Дарью своей подписью, но отказывается брать чужую вину. Чтобы спасти деревья и людей, доверивших ей работу, Дарье придётся открыть расчёты, заплатить за ошибку и отказаться от права владеть общей историей сада — даже если после этого её дело станет намного меньше. «Сад, который мы делили» — современный любовный роман о близости без спасательства, честной цене профессиональной ошибки и общем деле, которое нельзя считать своей собственностью.

© Ковалик З., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Две вывески	6
Глава 2. Сад за клубом	15
Глава 3. Карта земли	25
Глава 4. Камень и корни	35
Глава 5. Партнёр со скидкой	45
Глава 6. Первый общий день	54
Глава 7. Липы для площади	62
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Злата Ковалик

Сад, который мы делили

От автора

Ошибку легче признать, когда её цена лежит только на собственном столе. Гораздо труднее сказать правду, если из-за неё люди могут потерять работу, заказчик — деньги, а близкий человек — доверие к тебе.

Эта книга — о работе, которую нельзя спасти красивым объяснением. О двух мастерских, вынужденных делить один сад, и о взрослых людях, которым близость не даёт права подписываться друг за друга. Здесь любовь не отменяет расчёты, договоры и последствия. Она лишь помогает не отворачиваться, когда правда уже названа.

Сад растёт медленнее человеческих обещаний. Поэтому его нельзя убедить, что всё сделано правильно. Можно только вернуться к земле, открыть записи и исправлять то, что ещё возможно.

Глава 1. Две вывески

Дарья приехала во двор в семь двадцать, хотя ключи обещали отдать только к восьми. За ночь прошёл короткий дождь, и на старом асфальте лежали две одинаковые лужи, разделённые белой полосой. Полосу нарисовали недавно: краска ещё не успела посереть, зато уже была перечёркнута следами шин. Слева стоял кирпичный сарай с зелёными воротами, справа — бывшая котельная с высоким окном. Между ними под навесом теснились ржавая тележка, три бетонные урны и табличка «Место для курения», хотя курить во дворе запретили ещё при прошлом арендаторе.

Дарья загнула фургон, но выходить не стала. На пассажирском сиденье лежала вывеска «Лист»: тёмно-зелёные буквы на светлом дереве, подарок команды к пятилетию мастерской. До сегодняшнего дня она висела над воротами на улице Мельничной, где помещение было тесным, крыша текла над стеллажом с удобрениями, а чайник приходилось включать по очереди с тепловой пушкой. И всё же там каждый гвоздь был её. Здесь ей предстояло делить двор с человеком, который однажды при заказчике назвал её подпорную стенку «дорогой клумбой на честном слове».

В зеркале показался серый грузовик. Он въехал без спешки, остановился справа от белой полосы и погасил фары. Матвей Корин вышел в рабочей куртке, открыл кузов и снял свою вывеску. «Кромка» была выбита в узкой каменной плите. Даже вывеска у него весила столько, сколько нормальный человек не захотел бы поднимать до завтрака.

Дарья выбралась из фургона.

— Доброе утро.

Матвей посмотрел на часы.

— Оно наступит через тридцать семь минут, когда придёт человек с ключами.

— Я люблю знать, куда ставить вещи, прежде чем приедут люди с вещами.

— А я люблю сначала открыть ворота.

Он поставил плиту на деревянные бруски, предусмотрительно привезённые из своей мастерской. Дарья отметила это против воли. Она бы прислонила вывеску к стене, потом весь день следила, чтобы никто её не задел.

— Правый сарай твой? — спросил Матвей.

— По приложению к договору левый склад мой. Правый — твой. Общие навес, проезд, мойка и комната для бригад.

— По приложению левый склад — номер два.

— На плане север сверху. Мы смотрим с юга.

Матвей вынул из кабины сложенный лист, раскрыл его на капоте и прижал углы рулеткой и пачкой крепежа. Дарья подошла. План был тот же, только у него на полях стояли размеры ворот, высота перемычки и радиус разворота грузовика.

— Север здесь, — сказала она, коснувшись стрелки.

— Вижу. А въезд здесь. Поэтому склад номер два справа, если входить со стороны улицы, и слева, если стоять, как мы сейчас. Ты называешь стороны от себя, я — от въезда.

— Значит, мы спорим об одном помещении.

— Хорошее начало общего хозяйства.

Дарья сложила руки на груди. За кирпичной стеной проехал первый автобус, звякнув на яме. В восемь сюда придут две её машины, в восемь десять — люди Матвея. Если начать день с выяснения, кто не умеет читать план, к обеду белая полоса станет границей государства.

— Ладно. «Листу» нужен склад с сухой задней комнатой. Там будут семена, смеси и приборы. Тебе важнее ворота и бетонный пол. У склада номер два ворота шире на сорок сантиметров.

Матвей поднял взгляд от плана.

— Ты уже заглядывала внутрь?

— Была на осмотре.

— Я тоже. В сухой комнате номер один плесень под подоконником.

— Это старое пятно.

— Оно пахнет новым.

— Ты теперь ещё и специалист по плесени?

— Я реставрирую старые стены. Они редко страдают молча.

Дарья хотела ответить, но заметила на его рукаве светлую пыль. Матвей, судя по всему, уже потрогал кладку снаружи и успел проверить шов. Это раздражало сильнее, чем если бы он просто спорил.

— Тогда откроем и посмотрим вместе, — сказала она. — Если там сыро, мои материалы пойдут в номер два. Твои станки в номер один не пройдут.

— Пройдут. Не все стены обязаны оставаться на месте.

— В договоре запрещена перепланировка.

— Проём можно вернуть кирпичом.

— Нет, Корин. Мы ещё ключей не получили, а ты уже собираешься разбирать помещение.

Он усмехнулся едва заметно, одним углом рта.

— Вот теперь доброе утро.

Ровно в восемь во двор вошёл Евгений Павлович, заведующий хозяйством бывшего дома культуры. Он нёс связку ключей на синем шнурке и папку, которую прижимал к боку так бережно, будто внутри лежали не акты, а последние сухие спички.

— Все уже тут? Прекрасно. Я люблю, когда подрядчики не опаздывают.

Он говорил быстро и не смотрел на белую полосу. За ним семенила уборщица с ведром, недовольная самим фактом появления во дворе новых людей.

— Евгений Павлович, уточним помещения, — начала Дарья.

— Конечно, конечно. Вот этот вам, этот вам. Решите по-соседски. Главное — не перекрывать проезд пожарной машине. Подпиши здесь, здесь и на обороте.

— Нам нужен акт состояния, — сказал Матвей. — С фотографиями сырости и трещины над воротами.

Заведующий впервые посмотрел на него внимательно.

— Трещина старая.

— Тем более успела хорошо получиться на снимке.

Дарья отвернулась, чтобы не улыбнуться. Матвей достал телефон и стал снимать стену, водосточную трубу, ворота и нижний ряд кирпича. Он не просил разрешения второй раз. Евгений Павлович вздохнул, вынул из папки чистый лист и подписал сверху: «Перечень замечаний».

Они обошли оба склада. В первом действительно пахло влажной известью. Под окном темнел полукруг, а деревянный стеллаж стоял на кирпичах. Во втором было суше, зато широкие ворота провисли и скребли по полу. Дарья приложила ладонь к стене, осмотрела потолок и признала очевидное.

— Беру второй.

Матвей ничего не сказал о своей правоте. Это было почти любезностью.

— Тогда мне первый, — ответил он. — Но навес делим не по белой линии. Под ним водосток, и при сильном дожде левую половину заливают.

— Откуда знаешь?

— След от воды на столбе.

Дарья подошла ближе. На бетоне действительно тянулась тёмная кайма. Она мысленно переставила мешки с субстратом, которые собиралась сложить у края, и почувствовала неприятное облегчение. Один испорченный поддон стоил бы дороже месячной доли аренды.

— Хорошо. Под навесом твои камень и раствор ближе к стоку. Мои сухие материалы — у стены. Середину оставляем под разгрузку.

— Разгрузка по времени.

— Составим график.

— Сегодня?

— Сегодня.

Евгений Павлович переводил взгляд с одного на другую, явно ожидая драки и немного разочаровавшись.

К половине девятого двор наполнился машинами. Первой приехала Вика на старом универсале, из которого каким-то чудом извлекла четыре пластиковых ящика, рулоны сетки, штатив для нивелира и кофейник. За ней вошли братья Сапрыкины, сезонные рабочие «Листа», одинаково высокие и одинаково уверенные, что любой предмет легче нести вдвоём, даже если он рассчитан на одного.

Люди «Кромки» прибыли через пять минут: молчаливый мастер Арсен, рыжий ученик Коля и водитель Лариса, которая с первой попытки завела грузовик в ворота задним ходом, не задев ни урну, ни фургон Дарьи. В узком дворе стало тесно, как на рынке перед дождём.

— Сначала разгружаем растения, — сказала Дарья. — Потом инструмент.

— Сначала станок, — одновременно произнёс Матвей. — Он перекрывает кузов.

Люди замерли. Вика поставила кофейник на капот и посмотрела на Дарью тем взглядом, которым обычно напоминала: если начальник сейчас повысит голос, команда будет повышать его всю неделю.

Дарья подошла к грузовику Матвея. На платформе стоял камнерезный станок, закреплённый ремнями, а за ним лежали ящики. Чтобы достать их, станок действительно требовалось снять первым. Её саженьцы были укрыты тентом и могли подождать десять минут. Признать это оказалось легче, чем ожидалось, но Матвею она облегчения не показала.

— Сколько времени?

— Двенадцать минут, если проезд свободен.

— У тебя десять.

— За десять могу уронить. За двенадцать поставлю.

— Двенадцать. Потом наш фургон.

Он кивнул и повернулся к своим людям:

— Арсен, рама. Коля, не лезь под стропу. Лариса, на полметра назад по моей руке.

Никто не суетился. Матвей говорил тихо, и от этого его слышали с первого раза. Дарья поймала себя на том, что наблюдает не за станком, а за его ладонями: широкими, в белёсых шрамах, точными. Он не хватался за всё сам, но вставал туда, где ошибка могла придавить чужие пальцы.

— Кофе? — спросила Вика у Дарьи.

— После разгрузки.

— То есть холодный.

— Холодный кофе тоже кофе.

— Это не агрономия, Дарья Сергеевна. Тут нельзя объявить любую жидкость полезным раствором.

Матвей услышал и взглянул через плечо. Дарья сделала вид, что проверяет крепление тента.

Когда проезд освободился, «Лист» занял двор. Саженьцы спиреи отправились к задней стене, рулоны кокосового полотна — на верхний стеллаж, приборы — в сухую комнату. Дарья

расставляла людей, размечала проходы мелом и одновременно отвечала на звонки. Поставщик спрашивал, куда везти гранитный отсев. Бухгалтер напоминала об авансе. Олег прислал три сообщения подряд: «Подписали?», «Ключи у тебя?», «Корин не отжал лучший склад?»

Дарья убрала телефон в карман, не отвечая. Олег занимался деньгами и умел увидеть угрозу в каждой лишней розетке. Без него «Лист» не пережил бы первую зиму, но за четыре года его осторожность успела превратиться в привычку считать всякого рядом будущим вором.

На стене склада обнаружились два старых крюка. Дарья подняла вывеску, прикинула расстояние и позвала одного из братьев:

— Миша, лестницу.

— Не вешай туда, — сказал Матвей из-под навеса.

— Почему?

— Верхний крюк вышел из шва.

— Я проверила.

— Ты потянула вниз. Вывеска будет тянуть наружу.

Дарья снова взялась за крюк и качнула его на себя. Он сидел крепко. Матвей вытер руки ветошью, подошёл и, не касаясь её, постучал костяшкой по раствору вокруг железа. С края посыпалась тонкая серая крошка.

— Здесь пустота, — сказал он. — Крюк держится на ржавчине и твоей уверенности.

— Моя уверенность обычно выдерживает больше дерева.

— Ржавчина — нет.

Он взял лестницу, поднялся на две ступени и выкрутил крюк рукой. Из стены вывалился кусочек раствора. Миша присвистнул.

Дарья ощутила знакомый жар в щеках. Не из-за ошибки — ошибки случались. Из-за зрителей.

— Спасибо, — произнесла она. — Дальше мы сами.

Матвей спустился.

— Я принесу анкеры.

— У нас есть крепёж.

— Для дерева. Здесь пустотелый кирпич.

— Матвей, это моя вывеска и моя стена.

— Стена городская.

— Тем более не надо сверлить её без записи в акте.

На мгновение во дворе стало тише, хотя станок ещё гудел при пробном запуске. Матвей посмотрел на неё без насмешки.

— Верно, — сказал он. — В акте крепления нет. Поставь временную стойку.

Он отошёл к своему складу. Дарья осталась с вывеской в руках и злостью, которой не находилось удобной цели. Он дважды оказался прав и один раз уступил сразу, как только она напомнила о договоре. С таким человеком трудно было спорить привычным способом: он не защищал каждое сказанное слово только потому, что сказал его сам.

— Мы можем пока поставить её над столом, — предложила Вика. — На козлы. Будет красиво и никого не убьёт.

— Ставь.

— А его каменная будет лежать на земле?

— Это не наше дело.

Матвей тем временем достал из грузовика сборную металлическую раму. Через десять минут плита «Кромки» стояла у его ворот, не касаясь стены.

Вика выразительно посмотрела на Дарью.

— Ни слова.

— Я молчу так громко, как могу.

К полудню вещи обрели места, но общего порядка не появилось. Удлинитель «Кромки» пересекал проход к мойке. Рабочие «Листа» заняли обе лавки мешками. Кто-то переставил урны прямо на белую линию, будто назначил их пограничными столбами. Дарья разложила на старом столе лист бумаги и написала сверху: «Двор: временные правила».

— Все сюда на пять минут, — позвала она.

Матвей выключил станок. Люди собрались вокруг стола, кто с кружкой, кто с перчатками за поясом.

— До конца недели проверяем, как нам удобно работать, — сказала Дарья. — Проезд всегда свободен. Разгрузка по записи на доске. Мойку после себя очищаем. Под навесом ничего не оставляем в средней полосе.

— Кто последний, тот и очищает? — спросил Коля.

— Кто испачкал, — ответили Дарья и Матвей одновременно.

Коля ухмыльнулся.

— А если непонятно?

— Будешь мыть ты, — сказал Матвей.

Смех снял напряжение, но ненадолго.

— Розетки? — спросил Арсен. — В первом складе одна линия. Станок и компрессор вместе не тянет.

— Во втором тоже одна, — сказала Вика. — И чайник выбивает пробку.

— Щит общий, — пояснил Матвей. — Нужно развести нагрузку.

— Электрика вызовет городская служба, — сказала Дарья. — До этого тяжёлое оборудование по графику.

— Твой холодильник для образцов тоже тяжёлое оборудование? — спросил Матвей.

— Он потребляет меньше чайника.

— Тогда чайник запретим первым, — предложила Лариса.

Все заговорили разом. Вика защищала право людей на кипяток, Арсен — компрессор, братья Сапрыкины требовали оставить хотя бы одну розетку для зарядки аккумуляторов. Дарья пыталась записывать предложения, но они сталкивались на бумаге так же, как машины утром во дворе.

Матвей положил ладонь на край стола.

— Стоп. Сначала безопасность. Компрессор и станок не работают одновременно. Холодильник не отключаем. Чайник включаем в комнате бригад, там другая линия. Дарья, у тебя есть прибор, чтобы проверить нагрузку?

— Есть клещи у электрика, но самого электрика сегодня нет.

— У меня измеритель в ящике.

— Ты возишь с собой всё?

— Нет. Рояль оставил в старой мастерской.

Лариса засмеялась первой. Дарья записала порядок на листе и приклеила его малярной лентой к двери общей комнаты.

— Это на три дня, — предупредила она. — Потом решим по факту.

— Подписи поставим? — спросил Матвей.

— Под правилами пользования чайником?

— Под тем, кто за что отвечает. Через месяц каждый вспомнит сегодняшний разговор по-своему.

Дарья посмотрела на его людей, потом на своих. Ей хотелось сказать, что взрослым достаточно договориться словами. Но Олег именно так говорил четыре года назад, когда предлагал вложиться без подробного соглашения: мы же не чужие. Потом они три недели выясняли, считается ли его машина вкладом в дело или личным имуществом.

— Хорошо, — сказала она. — Я напечатаю правила и приложение к договору двора. Каждый руководитель подпишет свою часть.

— До этого действует лист.

Матвей поставил внизу дату и расписался. Дарье снова пришлось выбирать между раздражением и разумом. Она взяла ручку и поставила подпись рядом.

После короткого обеда Евгений Павлович принёс ещё одну новость. Общая комната, которую на плане обозначили как бытовую, оказалась наполовину занята старыми декорациями дома культуры. За дверью стояли фанерные берёзы, красный трон без сиденья, три щита с нарисованными облаками и огромная голова медведя.

— Это временно, — сказал заведующий.

— До какого числа? — спросила Дарья.

— Как только найдём транспорт.

Матвей отодвинул медвежью голову и осмотрел пол.

— Здесь нельзя есть, пока всё не вынесут. Пыль, мышинный помёт.

— Мышей у нас нет, — обиделся Евгений Павлович.

Из-под трона выкатилась сухая корочка хлеба с мелкими следами зубов.

— Это историческое наследие, — сказал Матвей.

Дарья всё-таки рассмеялась. Смех вырвался слишком легко, и Матвей повернулся к ней. У него были серые глаза, светлее каменной пыли на ресницах. На секунду двор, договор и старый медведь исчезли, осталось только удивление от того, что человек, которого она много лет держала в списке неудобных соперников, умеет быть смешным без желания понравиться.

Она первой отвела взгляд.

— Евгений Павлович, — сказала Дарья, — если помещение не освободят до пятницы, мы арендуем контейнер и вычтем его из платежа.

— Не имеете права.

— Тогда до пятницы.

— До понедельника, — вмешался Матвей. — В пятницу у них концерт ко Дню города. Машина будет занята сценой.

Дарья нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Афиша на главном входе.

Евгений Павлович оживился:

— Вот видите, понимающий человек. В понедельник всё уберём.

— В понедельник к десяти, — сказала Дарья. — Запишем в перечень замечаний.

Заведующий нехотя записал.

Когда он ушёл, Дарья повернулась к Матвею:

— Не договаривайся за меня.

— Я договорился за свою половину комнаты.

— Ты назвал срок, прежде чем мы обсудили.

— Срок был реальный. Пятница — нет.

— Реальный срок можно назвать мне, а не заказчику.

— А невозможный можно называть заказчику?

Она сжала ручку так, что колпачок впился в ладонь.

— Я умею добиваться исполнения договора.

— Не сомневаюсь. Но если машина занята сценой, твоя уверенность её не освободит.

Фраза про уверенность вернулась от стены с крюком, и теперь это уже не было полезным замечанием.

— Разберись со своей мастерской, Корин.

— Этим и занят.

Он поднял фанерную берёзу, вынес её к стене и освободил проход к окну. Разговор закончился, а злость осталась у Дарьи во рту металлическим привкусом.

Она ушла на склад, открыла ноутбук и стала проверять смету нового объекта — сада за домом культуры, ради которого они и оказались в одном дворе. В таблице всё выглядело спокойнее, чем в жизни: подготовка почвы, демонтаж дорожек, посадка деревьев, восстановление ограды. Каждая строка имела цену, срок и ответственного. В строке «каменные работы» стояло название «Кромки». В строке «озеленение» — «Лист». Между ними не было места для того, кто кому уступил розетку и кто заметил рыхлый шов.

Телефон снова завибрировал. Олег.

— Ну? — спросил он вместо приветствия. — Склад взяла нормальный?

— Сухой и с широкими воротами.

— Корин не возражал?

— Ему нужен другой.

— Не расслабляйся. Такие люди сначала великодушно отдают сарай, потом выставляют счёт за каждый вдох.

Дарья посмотрела через открытые ворота. Матвей стоял на лестнице и закреплял над своим входом временный козырёк, чтобы вода из сломанного желоба не текла на стену. Арсен подавал ему инструменты. Они работали молча.

— Он не отдавал мне сарай, — сказала она. — Мы выбрали по назначению.

— Всё у вас теперь по назначению. Слушай, я завтра подъеду к заказчику. Надо сразу закрепить обслуживание сада за нами. На посадке заработаем один раз, на уходе — пять лет.

— Мы ещё объект не приняли.

— Поэтому и надо решать сейчас. Корин в уходе ничего не понимает, ему всё равно.

— В саду есть каменная часть. Он тоже может претендовать на обслуживание.

— Зачем ты сама придумываешь ему права?

— Потому что они записаны в конкурсной заявке.

Олег помолчал.

— Даша, мы заложили твою квартиру не ради красивого соседства. Нам нужен этот заказ целиком.

Она знала. Банк перечислил кредит две недели назад, и с тех пор квартира перестала быть только домом: в каждой комнате словно появилась маленькая печать с суммой долга. Дарья вложила деньги в растения, материалы, технику и зарплаты на три месяца. Если общий проект сорвётся, продавать придётся не старый фургон.

— Я помню, ради чего мы это делаем.

— Тогда не уступай Корину больше необходимого.

Связь оборвалась. Дарья ещё несколько секунд держала телефон у уха.

Во дворе Матвей спустился с лестницы и проверил козырёк, потянув его на себя. Потом подошёл к средней полосе навеса, поднял оставленный кем-то мешок и перенёс к стене «Листа». Не на свою сухую сторону, не под водосток — туда, где они договорились хранить материалы Дарьи.

Она закрыла ноутбук.

К вечеру люди разъехались. Во дворе остались две машины, запах мокрого дерева и тонкая каменная пыль, которую ветер собрал вдоль белой линии. Вика унесла кофейник, братья — мусор, Лариса заперла грузовик. Дарья обошла склад, проверила окна и записала в блокнот: заменить замок, вызвать электрика, купить стойку для вывески, уточнить график разгрузки.

Матвей сидел за общим столом под навесом и чертил что-то на обороте старого плана.

— Все ушли, — сказала Дарья.

— Вижу.

— Ты обычно не доверяешь людям закрывать ворота?

— Обычно у меня одни ворота.

Она подошла. На листе был двор с траекториями двух грузовиков. Матвей отметил мелом на асфальте точки, где водители должны начинать поворот.

— Если твой фургон стоит здесь, мой не проходит, — сказал он. — Если на метр ближе к стене — проходим оба.

— У стены люк.

— Люк выдерживает легковую машину, не загруженный фургон. Поэтому ставить надо между люком и окном.

Дарья присела напротив. После длинного дня сил на спор почти не осталось, зато появился интерес к задаче.

— Тогда твой грузовик цепляет угол навеса.

— Только если Лариса ведёт по зеркалу. Можно повесить выпуклое зеркало сюда.

— Город не оплатит.

— Купим пополам.

— И чьё оно будет после проекта?

Матвей поднял глаза.

— Запишем в приложении.

Она рассмеялась, на этот раз устало.

— Ты серьёзно способен составить договор на зеркало?

— Способен подарить его городу, если это будет дешевле двух разбитых крыльев.

— Вот это уже подозрительная щедрость.

— Не щедрость. Крыло грузовика дороже.

Они склонились над планом. Дарья передвинула рулетку, изображавшую фургон. Матвей поправил угол. Их пальцы встретились на металлическом корпусе, и оба одновременно убрали руки. Неловкости не возникло — только короткая пауза, слишком заметная после целого дня деловых реплик.

— Завтра покажут сад, — сказала Дарья.

— В девять.

— Я поеду раньше. Хочу пройти участок до комиссии.

— Во сколько?

— В семь тридцать.

— Ворота сада откроют в восемь.

— Откуда ты знаешь?

— Спросил у сторожа.

Дарья покачала головой.

— Тогда в восемь.

— Я тоже буду.

— Разумеется.

Матвей сложил план и убрал карандаш.

— Дарья, нам не обязательно нравиться друг другу. Но перед командой нельзя спорить о том, что можно проверить рулеткой или документом.

Она почувствовала, как усталость отступает, освобождая место для настороженности.

— А о чём можно спорить?

— О том, чего мы хотим от сада. Там рулетка не поможет.

— Я хочу выполнить проект в срок.

— Это не ответ.

— Для подрядчика — ответ.

— Для плохого подрядчика.

Дарья встала так резко, что ножка стула скрипнула по асфальту.

— До завтра, Корин.

— До завтра, Левина.

Она дошла до фургона, открыла дверь и только тогда поняла, что оставила блокнот на столе. Возвращаться не хотелось. Матвей взял блокнот и принёс сам.

— Ты забыла.

— Спасибо.

Он протянул его, не заглядывая в записи. Дарья приняла блокнот и заметила на обложке белый отпечаток его большого пальца.

— Вывеску всё-таки поставь на раму, — сказал он. — У ворот её будет видно с улицы.

— Поставлю.

— Анкеры могу заказать вместе со своими.

— Закажи. Половину счёта оплачу я.

— Это только анкеры.

— Именно поэтому не стоит начинать с подарков.

Матвей кивнул, будто слышал правильный ответ.

Когда Дарья выехала со двора, в зеркале остались две вывески. Каменная уже стояла у правых ворот. Деревянная лежала на козлах у левых, ниже, чем ей полагалось, но не на земле. Между ними белела полоса, проведённая человеком, который верил, что двор можно разделить краской.

Завтра им предстояло увидеть сад, ради которого этой линии должно было стать мало.

Глава 2. Сад за клубом

В восемь без трёх Дарья стояла у кованой калитки и смотрела, как сад притворяется больше, чем был на плане.

На бумаге участок занимал чуть меньше двух гектаров, был разделён на северную аллею, площадку перед бывшим домом культуры и дальнюю часть с яблонями. Здесь же дорожки уходили одна за другую в густой клён, ограда терялась за кустами, а тёмное кирпичное здание казалось поставленным не перед садом, а внутри него. За крышей вставало солнце. Свет цеплялся за разбитые стёкла веранды, за мокрую траву и за проволоку, которой кто-то стянул две створки ворот.

Замок висел с внутренней стороны.

Дарья позвонила сторожу. Телефон долго гудел у неё возле уха, потом за оградой закашлялись, звякнули ключи, и из будки показался мужчина в синей куртке поверх майки.

— Рано вы, — сказал он, не здороваясь.

— Мы договаривались на восемь.

— Комиссия в девять.

— Я не комиссия.

Сторож присмотрелся к ней, будто это ещё требовалось доказать. Пока он разматывал проволоку, с улицы донёсся ровный шум двигателя. Старый серый пикап Матвея остановился у тротуара. Сам Матвей вышел с рулеткой на поясе, в рабочей куртке и с двумя бумажными стаканами.

— Ворота открываются внутрь? — спросил он вместо приветствия.

— Если куст не мешает, — ответил сторож.

Куст мешал. Одна створка упёрлась в ветки снежника и остановилась на ширине плеч. Матвей поставил стаканы на столб, придержал ветки, сторож навалился на ворота. Дарья прошла первой и сразу почувствовала под подошвой пустоту: плитка качнулась, из шва выступила вода.

— Здесь разгружаться нельзя, — сказала она.

— Здесь и ходить пока нельзя, — Матвей показал на вторую плитку. Под ней была промоина, прикрытая прошлогодними листьями. — Ливнёвка забита. После первого грузовика край провалится.

— На плане въезд обозначен с восточной стороны.

— На плане ему двенадцать лет.

Сторож наконец распахнул створку и подобрал стаканы.

— Это ваше? — спросил он.

— Один мой, — сказал Матвей. — Вторым мог стать вашим, если бы вы открыли вовремя. Мужчина хмыкнул, вернул оба и ушёл в будку. Матвей протянул стакан Дарье.

— Без сахара.

Она взяла кофе и тут же пожалела: теперь жест требовал хотя бы благодарности.

— Откуда ты знаешь?

— На двух конкурсах подряд ты оставляла сладкий чай нетронутым и выпивала весь чёрный кофе.

— Ты следил за моими стаканами?

— Я следил, когда освободится стол с образцами.

Крышка была горячей. Дарья отпила и пошла по дорожке, не давая себе улыбнуться.

Участок начинался парадной частью, хотя парадного в ней почти не осталось. От ворот к зданию вела широкая полоса бетонных плит. Корни старых лип подняли края, и дорожка шла волнами. Справа стояли две скамейки без досок, слева — круглая клумба с заржавевшей

звездой из металлической ленты. Перед лестницей бывшего клуба сохранились четыре высокие липы. Пятая лежала в траве: ствол спилили, но не вывезли, и из рыхлой сердцевины росла крапива.

Дарья открыла планшет с планом. На экране всё было чистым: зелёные круги деревьев, серые дорожки, тонкие линии полива. Ни крапивы, ни ямы, ни качающейся плитки.

— Сначала обойдём границы, — сказала она. — Потом отметим подъезды и деревья, которые нельзя трогать.

— А те, которые можно?

— После обследования.

— На плане уже отмечены под снос семь штук.

— Это предварительное заключение.

Матвей поставил кофе на подоконник будки и подошёл к ближайшей липе. Кора была разбита на высоте колена, в щели застрял кусок красной пластмассы. Он присел, осторожно вынул осколок.

— Газонокосилка, — сказал он. — Били несколько лет подряд.

— Поэтому вокруг стволов будут приствольные круги.

— Если оставим эту отметку высоты, круг не поможет.

Дарья знала это. Её раздражало не замечание, а то, что оно прозвучало через пять минут после входа.

— Матвей, мы не будем обсуждать каждое дерево до обследования.

— Хорошо. Тогда будем только смотреть.

Он сказал это спокойно и пошёл дальше. Через десять шагов остановился у края дорожки, но ничего не произнёс. Дарья сама увидела, что бордюр упирается в корневую лапу липы. По её смете здесь предполагалось снять старый бетон и уложить гранитный отсев. Если пустить мини-погрузчик по дорожке, корни примут вес. Если копать вручную, срок сразу поползёт.

Она отметила место красной точкой.

— Что пишешь? — спросил Матвей.

— То, на что ты молчишь.

— Быстро учишься.

— Не порть минуту.

Они свернули за здание. Здесь сад переставал притворяться городским. Трава доходила до бёдер, в зарослях стояли старые яблони, ветви одной лежали на земле под тяжестью мелких зелёных плодов. Между деревьями тянулась бельевая верёвка, на ней висели две выцветшие детские футболки. За оградой начинались жилые дворы, и кто-то прорезал в сетке проход, укрепив края садовым шлангом.

Из прохода вышла женщина в резиновых сапогах с ведром яблок. Увидев незнакомцев, она не смутилась.

— Закрывать будете? — спросила она.

— Что именно? — Дарья оглянулась на дыру.

— Проход. Здесь полдома ходит. Через улицу крюк десять минут.

— Ограду будут восстанавливать.

— Значит, закроете.

— Проектом предусмотрена калитка с северной стороны.

— Северная — вон там, у мусорных баков. А мы живём здесь.

Женщина поставила ведро, подняла одну из футболок и прищепнула к верёвке оторвавшийся рукав. Дарья нашла на плане север. Новая калитка действительно была в ста двадцати метрах от прохода.

— Это городская земля, — сказала она. — Решение по входам принимает заказчик.

— Земля городская, а яблони поливал мой отец. Клуб их уже лет пятнадцать не поливает.

— Как вас зовут?

— Тамара Ильинична.

Дарья записала имя.

— Вы здесь рядом живёте?

— Сорок первый год. Вон мои окна, третий этаж. Когда у клуба крыша горела, мы с мужем шланг тянули, пока пожарные ехали. А теперь вы сад делать будете.

В её голосе не было ни благодарности, ни враждебности. Она говорила так, словно проверяла, знают ли пришедшие цену словам.

Матвей подошёл к яблоне, подхватил нижнюю ветку и посмотрел на старую подпорку.

— Кто поставил?

— Я. Доска плохая, зато держит.

— Держит ветку за больное место. Нужна развилка шире.

— Сделаете?

— Если дерево остаётся.

Тамара Ильинична перевела взгляд на Дарью.

— Остаётся?

По предварительному заключению яблоня шла под санитарную обрезку, не под снос. Дарья могла ответить сразу, но после разговора о липах не хотела обещать до осмотра.

— Решим после заключения дендролога.

— То есть пока не знаете.

— Пока проверяем.

— Вот это правильный ответ, — сказала женщина. — Запишите ещё: у дальней стены вода стоит до июня. Там сирень вымокла. А возле клуба, наоборот, сухо, хоть залейся.

Дарья подняла голову.

— Где именно стоит?

Тамара Ильинична показала ведром в сторону зарослей.

— За сараем. Там раньше канавка была, потом её землёй завалили. Идите после дождя — увидите.

Последний дождь прошёл ночью. Дарья свернула с дорожки, раздвигая высокую траву планшетом. Земля сначала пружинила, потом сапог ушёл в мягкое почти до щиколотки. В воздух поднялся запах сырой глины. У кирпичной стены блестела узкая полоса воды, скрытая осокой.

На проекте в этом месте стояли три декоративные яблони.

— Здесь отметка поверхности на двадцать сантиметров ниже дорожки, — сказал Матвей, глядя на стену. — Вода идёт сюда.

— Геодезия показывает уклон к югу.

— В среднем. А здесь яма.

Дарья присела, взяла горсть земли и сжала. Между пальцами выступила вода. Верхний слой был тёмным, но ниже чувствовалась плотная холодная глина. Три яблони могли пережить несколько мокрых недель весной, однако постоянный застой погубил бы корни.

Она поставила вторую красную точку.

— Нужны отдельные пробы, — сказала она.

— Они есть в смете?

— Пробы есть. Распределение уточню.

Тамара Ильинична стояла на сухой кочке и наблюдала за ними.

— В прошлом году приезжали двое, — сказала она. — Один землю в пакет набрал возле ворот и уехал. Я ему про воду говорила.

— Это были не мы, — ответила Дарья.

— Я вижу, что не вы. Он в белых туфлях был.

Матвей отвернулся, будто рассматривал стену. Дарья услышала его короткий смешок.

— Спасибо, — сказала она женщине. — Мы пройдем весь участок.

— Проход не забудьте.

— Передам заказчику.

— Передать мало. Вы на плане нарисуйте, тогда хоть спорить будет о чём.

Дарья посмотрела на прорезанную сетку. Незаконный проход нельзя было просто перенести в рабочий проект. Но и сделать вид, что его нет, после разговора уже не получалось.

Она отметила его жёлтым.

Дальше они шли медленнее. За сараем обнаружилась куча битого кирпича, заросшая лопухом. У западной ограды — колодец поливочной сети с прогнившей крышкой. Матвей наступил рядом, земля осыпалась, и он схватил Дарью за локоть прежде, чем она шагнула на край.

Его пальцы сжали рукав чуть выше запястья. Дарья замерла, увидев под травой чёрную щель.

— Глубоко? — спросила она.

— Достаточно, чтобы сломать ногу.

Он не отпускал ещё секунду, пока она не перенесла вес назад. Прикосновение было деловым, резким, но кожа под тканью отозвалась теплом, неуместным возле гнилой крышки.

Матвей убрал руку и сорвал с куста длинную ветку. Воткнул её у края, завязал сверху красную ленту из своего кармана.

— Ленту ты тоже всегда носишь? — спросила Дарья.

— После одного подвала без ступеньки — всегда.

— Что было?

— Ученик провалился. Два месяца в гипсе. Я отвечал за площадку.

Он сказал это без подробностей и без оправдания. Дарья посмотрела на ленту. Ей захотелось спросить, сколько лет назад это случилось и сам ли Матвей отвозил ученика в больницу, но из-за клуба донеслись голоса. Комиссия приехала раньше.

На парадной дорожке появились Евгений Павлович, женщина из управления городского хозяйства и двое мужчин с папками. За ними шёл Олег. Его светлые ботинки уже покрылись пылью, и он ступал по плитам так, будто сад нарушил договор лично с ним.

— Я тебе звонил, — сказал он Дарье, когда они встретились у круглой клумбы.

— Телефон в беззвучном режиме. Мы обходили участок.

— Без заказчика?

— До заказчика.

Олег быстро посмотрел на Матвея, на красные отметки в планшете и на грязь на сапогах Дарьи.

— Надеюсь, вы не успели ничего согласовать.

— Мы осматривали.

Женщина из управления представилась Светланой Аркадьевной Беляевой. У неё была короткая стрижка, тонкая папка и привычка смотреть не на того, кто говорил, а на того, кто должен был отвечать.

— Коллеги, времени мало, — сказала она. — Контракт подписан, основные решения утверждены. Сегодня фиксируем доступ на объект, порядок работ и дату открытия.

— Сначала нужно зафиксировать состояние, — возразила Дарья. — Восточный въезд подмыт, крышка колодца разрушена, за клубом застой воды. Есть расхождения с исходными данными.

Светлана Аркадьевна посмотрела на одного из мужчин.

— Павел, колодец был в ведомости?

Тот пролистал бумаги.

— Как существующая сеть.

— Состояние крышки?

— Не указано.

— Замените в рамках подготовительных работ.

— Замена не проблема, — сказал Матвей. — До неё участок надо оградить сегодня. И проверить стенки. Если верх осыпался, одной крышки мало.

— Это вы кто? — спросил Павел.

— Матвей Корин, каменные работы и покрытия.

— Колодец не ваша часть.

— Нога может оказаться моей.

Светлана Аркадьевна закрыла папку.

— Ограждение ставьте. Обследование сети оформим отдельным актом. Что ещё?

Дарья перечислила въезд и воду за сараем. Про проход в ограде она заговорить не успела:

Олег наклонился к экрану и увидел жёлтую отметку.

— Это что?

— Жители ходят через сад со двора. Они просят сохранить вход.

— В проекте входа нет.

— В жизни есть.

— Даша, мы подрядчики, не общественный совет.

Светлана Аркадьевна услышала.

— Какой вход?

Дарья показала место на плане. Евгений Павлович сразу замахал рукой.

— Там дыру вырезали самовольно. Мы её заделывали два раза.

— Потому что ближайшая калитка далеко, — сказала Дарья. — Если просто восстановить сетку, её снова прорежут.

— Проект прошёл согласование, — ответила Светлана Аркадьевна. — Изменение ограды сейчас задержит экспертизу.

— Можно хотя бы оставить техническую возможность для калитки. Не ставить там цельную секцию до решения.

— Кто оплатит охрану открытого прохода?

— Я не предлагаю оставить дыру. Временная секция на болтах, которую можно заменить.

Матвей присел возле клумбы и карандашом на распечатке нарисовал раму.

— Столбы остаются на штатных местах. Между ними съёмное заполнение. Если город откажет — оно так и служит оградой. Если согласует калитку — не придётся выкапывать столбы.

Светлана Аркадьевна протянула руку за листом.

— Сколько добавит к смете?

— Если делать вместе с оградой — почти ничего. Четыре закладные и другой крепёж.

— «Почти» в акт не запишешь.

— К вечеру дам сумму.

Дарья посмотрела на него. Ещё вчера он требовал письменного приложения на зеркало, а сейчас предлагал решение до отдельного договора. Но разница была ясна: он не дарил городу работу, а сохранял выбор, пока тот стоил дёшево.

— Внесите как предложение подрядчика, — сказала Светлана Аркадьевна Павлу. — Без изменения цены до расчёта.

Евгений Павлович недовольно поджал губы, но промолчал.

Они пошли к зданию. На лестнице Светлана Аркадьевна остановилась и повернулась к саду. Отсюда сквозь липы был виден главный вход, круглая клумба и часть аллеи.

— Открытие назначено на пятое сентября, — сказала она.

Дарья решила, что ослышалась.

— По календарному плану завершение двадцать восьмого сентября.

— Завершение всего контракта. Пятого — городской праздник и открытие первой очереди.

— В приложении указано «готовность парадной части», без церемонии и допуска посетителей.

— Теперь будет церемония. Решение главы принято вчера.

Олег быстро спросил:

— Какая именно зона должна быть готова?

Светлана Аркадьевна раскрыла папку. Павел разложил на перилах лист с красной штриховкой. Красным были залиты площадь перед клубом, северная аллея и круглая клумба.

Дарья посчитала дни. Двадцать шесть. За это время нужно было снять плиты, проверить корни, подготовить почву, проложить полив, восстановить дорожку, поставить освещение и высадить первую партию деревьев. Питомник обещал отгрузку лип не раньше двадцать третьего августа. Неделя на приживание до толпы, сцены и флажков была не сроком, а красивым способом угробить посадки.

— Нет, — сказала она.

Все посмотрели на неё.

— Что именно нет? — спросила Светлана Аркадьевна.

— Мы не откроем для посетителей свежие посадки через несколько дней после разгрузки. Можно закончить дорожки и площадь, оградить приствольные зоны, провести показ работ. Но обещать готовый сад пятого нельзя.

— Питомник может привезти раньше, — вмешался Олег.

— Не может. Мы выбрали деревья с комом нужного размера. Их подготовят к выкопке по графику.

— Есть другие питомники.

— Есть другие липы. Меньше, хуже сформированные и без нужного запаса корней.

Светлана Аркадьевна постучала ногтем по папке.

— Город не требует чуда. Парадная часть должна выглядеть законченной и быть безопасной. У вас большой контракт именно потому, что две мастерские работают одновременно.

— Две мастерские не удваивают время растениям, — сказала Дарья.

Рядом едва слышно выдохнул Матвей. Она не поняла, был это смех или одобрение.

Олег взял её под локоть и отвёл на две ступени ниже.

— Ты сейчас отказываешься от условия при заказчике.

— Условия, которого не было в контракте.

— Будет дополнительное соглашение.

— Сначала расчёт.

— Мы не можем начать крупнейший заказ со слова «нет».

— Можем, если иначе положим деревья под ноги толпе.

Он понизил голос:

— Квартиру тоже положим? Под ноги банку?

Дарья почувствовала, как фраза вошла точно под рёбра. Олег редко говорил о залоге прямо при посторонних. Он умел напомнить о нём так, будто называл не общий риск, а её личную слабость.

— Не здесь, — сказала она.

— Тогда не здесь принимай решения за мастерскую.

— Я принимаю решения по растениям.

— А я — по тому, будет ли у нас мастерская через три месяца.

Сверху донёлся голос Матвея:

— Можно открыть площадь без посадки лип.

Олег обернулся.

— Вас никто не спрашивал.

— За площадь отвечаю я, поэтому спрашивать придётся.

Матвей подошёл к плану и положил карандаш вдоль северной аллеи.

— Сначала снимаем аварийные плиты вручную возле старых деревьев. Параллельно делаем временный въезд с юга и ведём технику к площадке, не пересекая будущие посадочные ямы. К пятому сентября заканчиваем покрытие, ограду и свет в парадной части. Места новых лип закрываем деревянными щитами с землёй и травами в контейнерах. После праздника убираем щиты и сажаем по нормальному графику.

— Получится пустая аллея, — сказала Светлана Аркадьевна.

— Получится честная первая очередь, — ответил Матвей. — Люди увидят, где будут деревья, но не будут топтать им корни.

Дарья смотрела на карандаш. Предложение сохраняло растения и позволяло городу провести праздник. Но оно меняло очередность всех работ и требовало временных конструкций, которых не было в смете.

— Контейнеры можно взять из городского питомника, — сказала она. — Там есть злаки и кустарники для осенней пересадки. Они переживут три дня на площади, если поставить капельный полив.

— Три дня? — спросил Павел.

— Завезти накануне, убрать после выходных.

Олег раскрыл рот, но Светлана Аркадьевна подняла ладонь.

— К полудню завтра жду изменённый порядок работ, расчёт временного оформления и письменное подтверждение питомника по срокам лип. Пятого сентября площадь открывается. Посадку можно завершить позднее, если это не выглядит как срыв.

— И если посетители не заходят в рабочую часть, — добавила Дарья.

— Ограждайте.

— Отдельным актом фиксируем, что церемония не считается приёмкой посадок.

Светлана Аркадьевна впервые посмотрела прямо на неё.

— Фиксируйте. Я не собираюсь принимать то, чего нет.

Олег улыбнулся заказчице, словно решение с самого начала было общим.

— Подготовим всё к сроку.

Дарья ничего не сказала. Она смотрела на красную штриховку и понимала: за двадцать шесть дней сад должен будет научиться выглядеть готовым прежде, чем станет готовым на самом деле. Такие вещи редко проходили без цены. Обычно цену просто находили позже.

Комиссия ушла осматривать помещения клуба. Евгений Павлович повёл их через боковую дверь, предупреждая о неисправном выключателе. На лестнице остались Дарья, Матвей и Олег.

— Ты не имел права предлагать временное оформление без расчёта, — сказал Олег Матвею.

— Я предложил способ не убить деревья ради фотографии.

— Деревья — часть ответственности «Листа».

— Площадь — часть моей. Мёртвые деревья на ней будут видны и рядом с моей вывеской.

— У вас отдельный договор.

— Именно.

Дарья встала между ними не телом, а голосом:

— Хватит. К вечеру считаем два варианта. Матвей — щиты, ограждение и новая последовательность каменных работ. Я — контейнеры, полив и график посадки. Олег — дополнительное соглашение и оплата временного оформления. Завтра в десять сводим.

— Мы с тобой должны сначала обсудить деньги, — сказал Олег.

— Обсудим после того, как узнаем сумму.

Он посмотрел на грязь на её сапогах, будто и она была признаком дурного решения.

— Я поеду в управление. Здесь от меня пользы нет.

— Здесь от всех есть польза, если смотреть на участок.

— Ты уже нашла себе того, кто смотрит.

Олег ушёл к воротам. Фраза осталась между липами неприятным запахом. Дарья хотела окликнуть его, потребовать говорить прямо, но не стала. Прямого разговора у них всё равно не получилось бы при Матвее.

— Он всегда так? — спросил Матвей.

— Как?

— Решает, кто тебе полезен.

— Не твоё дело.

— Согласен.

Он свернул план. Дарья ждала ещё реплики, но Матвей действительно замолчал. От этого её защита показалась громче, чем была нужна.

Они вернулись к восточному въезду. Сторож сидел на табурете у будки и чистил яблоко складным ножом. Дарья измерила ширину ворот, Матвей проверил отметки дорожки. Работали порознь, пока не встретились у подмытой плиты.

— Южный въезд есть только на старой схеме, — сказала Дарья. — Сейчас там глухая ограда.

— Там ворота. Их заварили.

— Ты видел?

— С улицы. Петли остались.

— Разварить и восстановить дешевле, чем укреплять этот проезд?

— Не знаю. Надо открыть заросли и посмотреть стойки.

— Пойдём.

Южная граница сада проходила за клубом. Пришлось снова идти через высокую траву, мимо мокрой ямы и старых яблонь. Тамара Ильинична уже сняла бельё и теперь обрезала сухую ветку маленькой ножовкой.

— Нашли воду? — спросила она.

— Нашли, — ответила Дарья.

— А проход?

— Пока будет съёмная секция. Город решит насчёт калитки.

— Город долго решает.

— Поэтому секция съёмная.

Тамара Ильинична посмотрела на Матвея, потом на Дарью.

— Это вы придумали?

— Вместе, — сказала Дарья и лишь после этого поняла, что так оно и было.

За зарослями боярышника обнаружились двустворчатые металлические ворота. Нижний край ушёл в землю, прутья оплёл дикий виноград, но петли держались. Матвей расчистил ладонью табличку на столбе. Под грязью проступила надпись «Пожарный проезд».

— Если ширины хватит, технику заводим здесь, — сказал он. — Парадную часть не трогаем грузовиками.

Дарья подняла планшет и соединила на плане южные ворота с площадкой. Маршрут проходил вдоль мокрой зоны, но по более высокой полосе возле стены. Потребовались бы временные маты, зато корни старых лип оставались в стороне.

— Геодезиста надо вызвать сегодня, — сказала она. — И сделать сетку проб до того, как пойдёт техника.

— Сколько проб?

Она увеличила план. В смете стояло двенадцать точек на весь участок. Для двух гектаров с таким перепадом воды и историей засыпок этого было мало. Можно было взять двадцать четыре, отдельно по каждой заметно отличающейся зоне. Лаборатория выставит двойной счёт, а результаты задержатся на несколько дней.

Дарья провела пальцем от мокрой стены к сухой площади.

— Разберусь, — сказала она.

— Это число?

— Это обещание.

— Обещание без числа вчера называлось плохим договором.

Она посмотрела на него. В его лице не было насмешки, только усталое внимание.

— Не меньше шестнадцати, — ответила Дарья. — После геодезии решу, нужны ли дополнительные.

— Вот теперь понял.

Матвей достал рулетку и зацепил ленту за столб. Дарья пошла ко второй стойке, продираясь сквозь виноград. На середине лента застряла в ветках. Они одновременно наклонились, их плечи столкнулись. Матвей придержал лозу над её головой.

— Четыре двадцать, — сказал он.

— Для малой техники хватит.

— Если столб не развалится, когда снимем сварку.

— Всё у тебя заканчивается проверкой.

— Не всё.

Он произнёс это тихо. Дарья подняла голову и встретила его взгляд. Между ними была ветка дикого винограда с пыльными зелёными ягодами. Ладонь Матвея оставалась над её волосами, удерживая колючую лозу. Она могла отступить, но секунду не двигалась.

Потом из сада крикнула Тамара Ильинична:

— Молодые люди, если ворота открывать будете, мусор сначала уберите! Там стекло!

Матвей отпустил ветку.

— Будем, — ответил он.

Дарья откашлялась и записала ширину.

Обратно они вышли на площадь уже после десяти. Солнце поднялось, мокрая трава начала парить. С верхней ступени клуб казался менее запущенным: свет скрывал трещины, кроны лип закрывали пустые окна, а круглая клумба издали выглядела почти целой.

— Каким он должен стать? — спросил Матвей.

Дарья поняла, что он повторяет вчерашний вопрос.

— Безопасным. Живым. Таким, чтобы за него не было стыдно через год.

— Уже лучше, чем «в срок».

— Срок никуда не делся.

— Я знаю.

Она посмотрела на красную штриховку, на жёлтую отметку прохода и на две точки, которыми пометила воду и провал. Утром сад был для неё самым большим заказом «Листа». Теперь у него появились чужая короткая дорога домой, яблоня с плохой подпоркой, колодец, в который мог упасть человек, и площадь, которую велели открыть раньше деревьев.

— Пятого сентября, — сказала Дарья. — Двадцать шесть дней.

- Двадцать пять с половиной.
- Спасибо, Корин.
- Всегда пожалуйста, Левина.

Он поднял со скамьи остывший стакан и пошёл к воротам. Дарья осталась на ступенях. На экране планшета чистый проект уже был покрыт отметками, стрелками и вопросами. Чтобы успеть, придётся что-то сокращать. Не деревья, решила она. Не обследование опасных мест. Возможно, число лабораторных пакетов можно уменьшить, если объединить пробы из похожих зон после геодезии. Это делали постоянно: один смешанный образец показывал среднее состояние участка и стоил как один анализ, а не четыре.

Она увеличила карту до сетки и провела границы зон. У мокрой стены — отдельно. Площадь — отдельно. Северная аллея казалась ровной по рельефу и растительности; там несколько точек можно было свести в одну. Дарья поставила пометку: «уточнить объединение».

Потом закрыла планшет и оглянулась на сад.

Издалека все липы вдоль аллеи выглядели так, будто росли в одной земле.

Глава 3. Карта земли

К девяти утра общий стол под навесом исчез под пакетами.

Белые, плотные, с полосой для подписи, они лежали стопками рядом с маркерами, совками и рулонами бумажных полотенец. Вика подписывала этикетки крупными печатными буквами: номер точки, глубина, дата. Дарья стояла над распечаткой сада и наносила сетку так, чтобы ни одна линия не проходила через пятна вчерашнего кофе.

— Двадцать четыре, — сказала Вика, пересчитав кружки на плане. — Лаборатория точно возьмёт все?

— Возьмёт всё, за что заплатим.

— В смете двенадцать.

— Я помню.

Вика положила маркер. У неё были коротко остриженные ногти, на среднем пальце — тёмная полоса от земли, не отмывшаяся после прошлой недели. Она пришла в «Лист» ещё студенткой и за четыре года научилась спрашивать о неприятном раньше, чем Дарья успевала назвать это помехой.

— Двенадцать по три показателя, — продолжила она. — Если двадцать четыре, Олег увидит счёт до результатов.

— Поэтому мы сначала возьмём материал, а потом решим, какие образцы отправлять отдельно.

— Остальные хранить?

— Да. В холодильнике, с журналом.

Вика снова взяла маркер, но подписывать не стала.

— Если смешивать, надо решить до упаковки. Иначе потом никто не докажет, из какой точки сколько земли попало.

— Мы ничего не будем смешивать на глаз. Взвесим равные части.

— Я не про вес. Если северная аллея разная, среднее число нам ничего не даст.

Дарья провела пальцем по ряду кружков. Северная аллея тянулась от площади к дальней ограде. На плане уклон был почти одинаковым, деревья росли ровно, сорная трава по обеим сторонам выглядела одной и той же. Шесть точек на этой полосе казались роскошью, которую она назначила вчера под впечатлением от мокрой ямы.

— Поэтому сначала посмотрим разрезы, — сказала она. — Похожие объединим, разные оставим отдельно.

— Записать правило заранее?

— Какое правило?

— Что считаем похожим. Цвет, плотность, включения, влажность. Чтобы после счёта не решить, что всё похожее.

Дарья подняла глаза. Вика не спорила. Она уже открыла журнал и ждала формулировку.

— Запиши: объединяем только точки одной зоны, с одинаковой глубиной, без заметной разницы по составу и увлажнению.

— «Заметной» — это сколько?

— Вика.

— Я серьёзно.

— Я тоже. Мы едем брать грунт, а не защищать диссертацию. На месте будет видно.

Со стороны ворот загремела рама новой вывески. Коля и братья Сапрыкины устанавливали «Лист» напротив «Кромки». Анкеры Матвея подошли, и теперь обе вывески стояли на одинаковой высоте. Дарья увидела это, почувствовала короткое удовлетворение и тут же вернулась к сетке.

— Напиши пока общую оговорку, — сказала она. — После отбора уточним по журналу. Вика записала, но прижала ручку к странице и добавила ещё одну строку. Дарья не стала читать через плечо.

В сад приехали двумя машинами. В фургон «Листа» погрузили буры, лопаты, пакеты и складной стол. Матвей привёз лазерный уровень и двух своих работников — Арсена и молчаливого Сергея, которого все звали Седым, хотя волосы у него были почти чёрные. Они должны были расчистить южные ворота и проверить, выдержат ли стойки открывание.

Олег обещал подъехать к обеду с расчётом дополнительного соглашения. Дарья предпочла бы получить цифры раньше, но его отсутствие позволяло хотя бы начать без разговора о каждом пакете.

У парадных ворот их ждала Светлана Аркадьевна. Она передала акт доступа на площадку, показала, где утром поставят временное ограждение вокруг колодца, и напомнила:

— Завтра к полудню жду новый график.

— Сегодня вечером отправим, — ответила Дарья.

— Вечером не надо. Отправьте, когда проверите. Но завтра к двенадцати.

Матвей, услышав это, посмотрел на Дарью. Вчера городская чиновница казалась человеком, который требует невозможного и уезжает. Сейчас она по крайней мере различала скорость и поспешность.

— Геодезист будет в одиннадцать, — сказала Дарья. — До него возьмём пробы по краям, потом уточним середину.

— Не мешаю, — ответила Светлана Аркадьевна и ушла к клубу.

Первую точку заложили у круглой клумбы. Дарья сама сняла сухой дёрн, Вика поставила рядом лоток. Бур вошёл легко на первые десять сантиметров, ниже заскрежетал.

— Щебень, — сказала Вика.

Дарья вытащила столбик грунта. Под тонким тёмным слоем шла смесь песка, кирпичной крошки и серой пыли.

— Строительная засыпка. Пиши.

Она разложила грунт на лотке по глубине. Вика сфотографировала, положила линейку, заполнила строку в журнале. Верхний слой отправился в пакет с номером П-1, нижний — в П-1Г.

— Глубокие тоже все анализируем? — спросила Вика.

— Где будут деревья — да.

— Тогда у нас не двадцать четыре пакета.

— Материалов будет больше. Анализ пока двадцать четыре.

Вика вздохнула, но спорить не стала.

У второй точки бур упёрся в кусок бетона. Они сместились на полметра и попали в песок. У третьей нашли старую бутылочную пробку, зелёное стекло и слой золы. Земля перед клубом оказалась не землёй, а памятью всех ремонтов, праздников и костров, которые здесь проходили.

Дарья чувствовала, как первоначальная сетка распадается. Кружки, нарисованные на ровном плане, не могли предусмотреть бетон под клумбой или траншеею старого кабеля. Она переносила точки, перечёркивала номера и радовалась каждому новому факту, хотя с каждым фактом рос счёт.

Матвей работал возле дорожки. Его люди снимали по одной плите у корней старой липы, а он измерял пустоты и фотографировал нижнюю сторону бетона. Иногда Дарья ловила его взгляд. Он не подходил и не давал советов, только один раз принёс кусок старой трубы, найденный под плитой.

— Полив? — спросил он.

Дарья очистила ржавчину ножом.

- Похоже. Диаметр сорок.
- Идёт вдоль аллеи. На схеме сеть с другой стороны.
- Отметь место. Мы проверим, есть ли продолжение.
- Уже отметил.

Он положил трубу возле её лотков так бережно, словно это был музейный предмет. На запястье у него осталась светлая полоса каменной пыли. Дарья вспомнила руку на своём локте возле колодца и слишком сильно нажала на нож. Лезвие соскочило, царапнув перчатку.

- Цела? — спросил Матвей.
- Да.
- Покажи.
- Перчатка целая.
- Я вижу перчатку.

Она сняла её. На коже была тонкая белая линия, без крови. Матвей кивнул и вернулся к дорожке. Ничего не произошло, но Вика смотрела на Дарью с таким вниманием, будто в журнале появилась ещё одна точка.

- П-четыре, — сказала Дарья.
- Конечно, — ответила Вика.

К полудню они добрались до северной аллеи. Здесь работа пошла быстрее. Верхний слой во всех точках был сухим, рассыпчатым, с тонкими корнями травы. Ни кирпича, ни бетона, ни стоячей воды. Под ним начинался бурый суглинок. Дарья растирала его между пальцами, скатывала шнур, ломала, сравнивала цвет на белом лотке.

- Пять и шесть одинаковые, — сказала она.
- Пять темнее, — ответила Вика.
- Потому что была ближе к тени.
- И влажнее.
- Незначительно.

Вика записала влажность отдельно.

У седьмой точки рядом с дорожкой бур вошёл на двадцать сантиметров и остановился. Дарья надавила сильнее.

- Камень? — спросила Вика.
- Или корень.

Матвей услышал и подошёл.

- Не дави. Если корень, сдерёшь кору.
- Я чувствую разницу.
- Тогда почему давишь?

Дарья выпрямилась.

- Потому что это похоже на щебень.

Матвей присел, разгреб землю сбоку узким совком. Через минуту показалась плоская серая грань.

- Старый бордюр, — сказал он. — Дорожка была шире.
- Значит, точку смещаем.
- Если здесь посадочная яма, старый бордюр всё равно придётся учитывать.
- На глубине двадцать сантиметров он дереву не останется.
- Под ним может быть основание.

Дарья посмотрела на план. Новая липа должна была стоять в метре от находки. Если старое покрытие уходило под посадочное место, объём выемки возрастал. Но это относилось к строительным работам, не к составу грунта.

- Ты вскроешь полосу шурфом, — сказала она. — А пробу я возьму в точке посадки.
- Договорились.

Он не пытался присвоить решение. От этого Дарья стало легче и одновременно неловко за резкость.

— Спасибо, что остановил бур, — сказала она.

— Ты сказала, что чувствуешь разницу.

— Я соврала.

Матвей поднял на неё глаза. Вика перестала шуршать пакетами.

— Зачем? — спросил он.

— Потому что не люблю, когда меня поправляют при моей команде.

— А корню всё равно, при чьей команде его режут.

— Я знаю.

— Тогда в следующий раз просто остановись.

Он сказал это без победы и ушёл. Дарья смотрела ему вслед, чувствуя, что признать маленькую неправду оказалось и проще, и больнее, чем ожидалось. Вика молча протянула ей чистый пакет.

— Седьмую переносим на метр к востоку, — сказала Дарья.

— А старое место записать как отказ?

— Запиши причину: подземная конструкция. И привяжи фотографию.

Геодезист приехал в одиннадцать сорок, извинился за пробку и поставил штатив у клуба. К этому времени жара поднялась над дорожками прозрачным дрожанием. Дарья сняла куртку, завязала рукава на поясе. Вика работала в панаме, купленной на вокзале, и каждые двадцать минут заставляла всех пить воду.

Лазер подтвердил яму за клубом, но нашёл ещё одну особенность: северная аллея, ровная на старом плане, имела поперечный уклон. Западный край был ниже восточного на восемнадцать сантиметров. Для человека разница почти незаметна. Для воды она определяла путь после каждого ливня.

— Вот тебе одинаковая зона, — сказала Вика тихо.

Дарья сделала вид, что не услышала. Она уже делила аллею на две полосы и понимала: шесть точек нельзя свести в один образец. Можно было сделать два смешанных — запад и восток. Это всё ещё сэкономило четыре анализа, но разрушало простую схему, которую она успела держать в голове.

Олег появился, когда они раскладывали землю из десятой точки. Он приехал на своей машине и сразу включил кондиционер, не заглушая двигатель.

— У меня двадцать минут, — сообщил он. — Управление готово оплатить временные щиты, но не контейнеры. Контейнеры считают частью озеленения.

— Городской питомник даст их без аренды, — сказала Дарья. — Нужны доставка, полив и возврат.

— Возврат тоже за нами. Я посчитал. Если Матвей не выставит золочёные рамы, уложимся.

— Я слышу, — отозвался Матвей от дорожки.

— Отлично. Тогда пришли мне расчёт до двух.

Олег подошёл к столу, увидел ряды пакетов и нахмурился.

— Это всё в лабораторию?

— Часть, — ответила Дарья.

— Сколько именно?

— Решим после описания.

— В смете двенадцать.

— Исходные данные неточные. Мы нашли строительную засыпку, старую сеть и перепад воды.

— Дополнительные работы согласованы?

- Мы согласуем их, если они нужны.
- То есть сначала потратим, потом спросим.

Вика переставила пакеты так, чтобы этикетки не касались мокрого лотка. Олег заметил журнал.

- Сколько уже набрали?
 - Десять точек, по некоторым две глубины, — ответила она.
 - Я не спрашивал про банки с землёй. Сколько счетов?
- Дарья почувствовала знакомое желание закрыть разговор быстрым числом.
- Не больше шестнадцати анализов, — сказала она.

- Вика резко подняла голову.
- Вчера было не меньше шестнадцати.
 - Вчера не было геодезии.
 - Она как раз показала, что зоны разные.

- Олег посмотрел с одной на другую.
- Вы между собой сначала разберитесь.
 - Мы разбираемся, — сказала Дарья. — Двенадцать основных укладываются в смету.

Четыре беру за счёт резерва мастерской.

- Резерв нужен на открытие.
- Резерв нужен на то, что нельзя было узнать до доступа на участок.
- А двадцать четыре анализа что дадут такого, чего не дадут шестнадцать?

Дарья могла перечислить: точнее показать кислотность, солёность, содержание органики, различия между сухим и влажным краем. Но за каждым ответом стояло «возможно». Результат мог показать одинаковые значения, и тогда Олег получал доказательство, что деньги потрачены зря.

- Дадут более подробную карту, — сказала Вика.
- Подробная карта не продаёт нам обслуживание сада, — ответил Олег. — Красивый результат к пятому сентября — продаёт.

- Результат через месяц тоже должен быть красивым, — сказала Дарья.
- Поэтому шестнадцать. Ты сама назвала число.

Он открыл на телефоне расчёт и показал ей итог. Временная первая очередь съедала почти весь запас на непредвиденные расходы. Если город задержит оплату хотя бы на две недели, зарплаты придётся снова закрывать кредитом.

Дарья увеличила цифры, хотя видела их и так.

- Пришли файл, — сказала она.
- Уже. И не позволяй Корину вести твой график. Он поставил свои покрытия раньше полива.

- Потому что временная трасса идёт с другой стороны.
- Значит, вы уже всё решили.
- Мы работаем, Олег.

Он убрал телефон.

- Я тоже. Только моя работа почему-то всегда начинается там, где вы перестаёте считать.

Машина уехала, оставив запах горячего выхлопа. Дарья смотрела на экран с расчётом. Числа были честными и от этого особенно неприятными.

- Продолжаем, — сказала она.

На северной аллее осталось четыре точки. Западные были чуть влажнее, восточные — суше, но на лотке грунт отличался слабо. Один и тот же бурый суглинок, мелкие корни, редкие камни. Вика раскладывала каждый образец в отдельный пакет и не возвращалась к спору. Её молчание давило сильнее вопросов.

В четырнадцатой точке, ближе к дальней ограде, на глубине тридцати сантиметров появился светлый плотный слой. Дарья размяла комок. Он лип к перчатке и не рассыпался.

— Глина, — сказала Вика.

— Линза. Небольшая.

— Мы не знаем размер.

— Поэтому есть соседние точки.

— В соседних её нет.

Дарья посмотрела на ряд пакетов. Если отправить четырнадцатую отдельно, придётся оставить без анализа какую-то другую или выйти за шестнадцать.

— Пометь включение в журнале. Основной образец берём с верхних тридцати сантиметров.

— Корни липы будут глубже.

— Посадочная яма тоже будет глубже, глину частично выберем.

— А вода останется под ямой.

Дарья почувствовала, как пот стекает между лопатками. Жара, срок, счёт Олега и спокойный голос Вики сошлись в одной точке.

— Мы не проектируем дренаж по одному комку, — сказала она. — Запиши находку. Когда вскроем посадочные ямы, проверим каждую.

— Тогда липы уже привезут.

— Вика, достаточно.

Помощница закрыла журнал.

— Хорошо.

В этом «хорошо» не было согласия. Дарья понимала, что должна остановиться, взять отдельную пробу и позвонить в лабораторию. Вместо этого она перешла к пятнадцатой точке.

К трём часам на складном столе стояло тридцать два пакета: верхние и глубокие слои, влажная зона, строительная засыпка, северная аллея, яблони. Материала было достаточно, чтобы потом перепроверить почти любое решение. Но лаборатория не принимала землю рассыпью. Нужно было составить шестнадцать заданий.

Они устроились в тени клуба. Вика открыла журнал, Дарья — ведомость.

— Площадь: четыре отдельных, — сказала Дарья. — Слишком разная засыпка.

— Согласна.

— Мокрая зона: три. Верх, глубина и контроль выше по склону.

— Да.

— Яблони: два смешанных по сторонам.

— Там разные виды и возраст.

— Мы проверяем почву, не яблони.

— Под старой антоновкой была зола, под молодыми — нет.

— Зола отражена в описании. Сделаем три.

На северную аллею оставалось шесть анализов. По одному на каждую точку хватило бы ровно, если не разделять глубины. Дарья обвела западную и восточную полосы.

— Два смешанных верхних, два глубоких. И отдельно четырнадцатая.

— Это пять.

— Шестой — у старой липы, где нашли бордюр.

Вика посчитала строки.

— Всего семнадцать.

— Где?

Они сверили. Дарья дважды включила контроль мокрой зоны: как отдельную пробу и в смесь верхнего склона.

— Значит, контроль входит в верхний склон, — сказала она.

- Тогда это уже не контроль.
- По показателям всё равно сравним.
- С чем? Он будет внутри среднего значения.

Дарья провела ладонью по лицу. В тени пахло нагретым кирпичом и землёй. На площади визжала пила Матвея, потом резко стихла.

— Хорошо. Отдельный контроль оставляем. Объединяем глубокие северной аллеи в один.

- Запад и восток имеют разную влажность.
- Восемнадцать сантиметров перепада не делают две страны.
- Вчера ты сказала, что после геодезии решишь, нужны ли дополнительные пробы. Геодезия показала разницу. Теперь ты объединяешь больше, чем собиралась.
- Потому что у меня есть полный журнал и запас материала. Если первые результаты будут странными, отправим остальные.

- После посадки?
- До посадки три недели.
- Лаборатория делает анализ семь рабочих дней.
- Нам обещали пять.
- Первую партию — пять. Повторную никто не обещал.

Матвей подошёл к столу за бутылкой воды. Он услышал последние слова, но не спросил. Дарья была благодарна ему за это ровно до момента, когда он взял бутылку и сказал:

- Если вам нужно ещё время, я начну с южного въезда. Аллею не тронем два дня.
- Нам не нужно время, — ответила она.
- Я не говорил, что вам нужно. Я сказал «если».
- Порядок работ уже согласован.
- Пока нет. Мы только готовим его к завтрашнему дню.

Вика смотрела в журнал. Матвей открыл бутылку, выпил половину и ушёл к своим людям.

- Вот поэтому я не люблю обсуждать это при чужой команде, — сказала Дарья.
- Он предложил два дня.
- А город дал двадцать пять.
- Два входят в двадцать пять.
- Если потратить два здесь, их не будет на другой ошибке.

Вика помолчала.

— Напиши своё решение в журнале, — сказала она. — Я подпишу отбор, но объединение — твоё.

Дарья медленно повернула к себе тетрадь. На полях возле утреннего правила Вика ещё во дворе добавила: «До получения геодезии и полевых описаний смешанные образцы не формировать. При разной влажности или включениях хранить и анализировать отдельно».

Это было разумно. Именно поэтому запись разозлила Дарью: она превращала обычное рабочее решение в границу, за которой у ошибки появлялась подпись.

- Ты считаешь, что я искажаю результаты? — спросила она.
- Я считаю, что среднее число скроет место, где липе будет плохо.
- Мы не выбираем место по одному лабораторному числу. Есть геодезия, полевая оценка, вскрытие ям.
- Тогда зачем вообще анализ?

Дарья взяла ручку.

— Чтобы проверить состав и скорректировать почву. Решение такое: семнадцать анализов. Шестнадцать сейчас, один отдельный по четырнадцатой точке оплачиваю сама, не из проекта.

- А глубокие запад и восток?
- Объединяем внутри всей аллеи равными долями.
- Я не согласна.
- Запиши несогласие.

Вика посмотрела на неё так, будто надеялась услышать другое. Потом придвинула журнал и написала несколько строк. Поставила дату, время и подпись.

Дарья прочитала: «Предупредила Д. Левину, что объединение глубоких проб СА-2, СА-4, СА-5 и СА-6 может скрыть локальные различия, в том числе плотную глину в СА-5. Решение об объединении принято Д. Левиной».

Формулировка была точной. Ни обвинения, ни лишнего слова.

— Подпиши, что материал отдельных точек сохранён, — сказала Дарья.

Вика дописала.

- И срок хранения — до окончания гарантийного сезона.
- В холодильнике столько не продержим.
- Тогда до вскрытия всех посадочных ям. После повторного отбора из ям сравним.
- Хорошо.

Дарья поставила свою подпись под записью. Рука не дрогнула. Это было не признание ошибки, убеждала она себя, а нормальное распределение ответственности. Руководитель для того и нужен, чтобы принимать решение, когда у помощницы есть сомнения.

Они взвешивали землю на маленьких электронных весах. Из каждого пакета Дарья отбирала одинаковую массу, Вика называла номер, Дарья повторяла. Смесь северной аллеи получилась однородной на вид — бурая, рыхлая, с редкими светлыми крупинками. Отдельный комочек глины из четырнадцатой точки лежал в собственном пакете и должен был уйти семнадцатым анализом за её деньги.

— Курьер в пять, — сказала Вика. — Успеваем.

Дарья запечатала последний пакет.

Матвей закончил работу у дорожки и подошёл с двумя листами. На одном был порядок работ, на другом — схема щитов для временного оформления.

— Южные ворота откроем завтра, — сказал он. — Стойки живые. Нижнюю петлю надо менять. По аллее начну после твоего разрешения.

— Послезавтра можешь снимать покрытие до отмеченных корней. Посадочные места не вскрывай.

- А когда вскрывать?
- После лаборатории.
- Значит, дней через пять.
- Да.

Матвей посмотрел на ряды оставшихся пакетов в пластиковых контейнерах.

- Их так много и должно быть?
- Это архив.
- Понял.

Он не спросил, сколько ушло в лабораторию. Дарья почувствовала облегчение, а следом — раздражение на саму себя. Если решение верное, скрывать число незачем.

— Шестнадцать по проекту и один за мой счёт, — сказала она.

Матвей кивнул.

- Этого достаточно?
- Да.

Ответ прозвучал быстрее, чем вопрос успел закончиться.

Матвей положил листы на край стола.

— Тогда подпиши порядок. Я отправлю Светлане Аркадьевне свою часть.

Дарья просмотрела схему. Он действительно оставил два дня запаса до начала аллеи, хотя она сказала, что они не нужны. Эти дни прятались в работах у южных ворот и площади и не выглядели уступкой.

— Ты переставил ограду раньше демонтажа.

— Чтобы закрыть площадку от жителей.

— Проходом пользуются каждый день.

— Поэтому съёмную секцию делаем последней. До этого ставим предупреждение и освещение.

Она подписала.

— Хороший порядок.

— Можно ещё раз? Я запишу.

— Не увлекайся.

Он улыбнулся, забрал листы и пошёл к воротам. Дарья смотрела, как он останавливается возле Вики, помогает поднять тяжёлый контейнер с архивными пробами и ставит его в фургон. Не спрашивает, почему помощница молчит. Не пытается узнать то, что ему не сообщили.

Курьер приехал без десяти пять. Семнадцать пакетов уложили в две коробки, проложили бумагой, приложили ведомость. Вика сфотографировала пломбы. Дарья расписалась в передаче.

Когда машина уехала, сад внезапно стал тихим. Седой выключил болгарку у южных ворот. Геодезист давно собрал штатив. Тамара Ильинична поливала яблоню из ведра, медленно выливая воду в канавку вокруг ствола.

— Всё узнали? — спросила она, заметив Дарью.

— Теперь ждём лабораторию.

— Земля и без лаборатории говорит.

— Говорит. Но не всегда то, что мы хотим услышать.

Тамара Ильинична усмехнулась.

— Это не земля. Это люди так делают.

Дарья помогла Вике закрыть фургон. На задней площадке стоял холодильный контейнер с двадцатью пятью сохранёнными пакетами. Каждый был подписан отдельно. Доказательства никуда не исчезли. Если понадобится, они вернутся к ним.

— Завтра я могу сама отвезти архив во двор, — сказала Вика.

— Вместе отвезём.

— У тебя встреча в банке в восемь тридцать.

Дарья забыла. Банк хотел обновлённый календарь поступлений по контракту. Олег поставил встречу, не спросив, удобно ли ей.

— Тогда отвези и поставь в нижний холодильник. Сделай фото пломб и температуры.

— Сделаю.

Вика села за руль. Дарья задержала дверь.

— Ты правильно записала предупреждение.

— Я знаю.

— И правильно сказала про глину.

— Тогда почему мы её смешали?

— Её не смешали. Четырнадцатая ушла отдельно.

— Я про глубокие пробы всей аллеи.

Дарья убрала руку с двери.

— Потому что у нас есть срок, бюджет и полевые данные. И потому что решение принимаю я.

Вика кивнула.

— Вот это я и записала.

Фургон выехал через восточные ворота, осторожно обогнув подмытую плиту. Дарья осталась возле калитки. В кармане завибрировал телефон: лаборатория прислала подтверждение заказа и дату готовности — следующий вторник, после восемнадцати.

Пять рабочих дней. Если результаты придут вовремя, они успеют поправить состав почвы до посадок. Если нет, останутся архивные пакеты и вскрытие ям. Система страховок казалась надёжной.

Дарья открыла фотографию карты. Двадцать четыре точки покрывали участок аккуратной сеткой. Линии смешанных образцов объединяли их в более крупные зоны. На экране земля снова выглядела понятной.

Внизу снимка, рядом с северной аллеей, виднелась запись Вики: «Разная влажность. Не объединять до проверки».

Дарья увеличила фотографию, перечитала строку и не стала её обрезать.

Глава 4. Камень и корни

Утром Матвей разложил на северной аллее белые рейки, и дорожка перестала быть дорожкой.

Она стала двумя длинными линиями, которые то сходились, то расходились между стволами. Возле первой старой липы рейки уходили влево почти на полметра, у второй возвращались к оси, а возле чугунной скамьи делали плавную дугу. Дарья остановилась у калитки, ещё не сняв рюкзака, и сразу поняла: вчерашней схемы больше нет.

Рабочие «Кромки» стояли возле тачек и ждали. Седой держал лом, но не опускал его под край плитки. Матвей сидел на корточках у липы, просовывая узкую металлическую линейку в щель между старым бордюром и землёй.

— Доброе утро, — сказала Дарья.

Матвей поднял голову.

— Доброе. По аллее пока не начинаем.

— Это я вижу.

Ей хотелось спросить, кто дал ему право менять согласованный порядок, но рабочих было шестеро, и каждый услышал бы не вопрос, а начало ссоры. Дарья положила рюкзак на складной стол, достала каску и только потом подошла к рейкам.

— Что случилось?

— Корни выше, чем показало вчерашнее вскрытие.

— Мы вскрывали в трёх местах.

— А сегодня в семи. Руками.

Он показал на узкие шурфы вдоль бордюра. Землю из них не выбрасывали кучами, а складывали на плотную ткань. В каждом отверстии виднелись корни: где тонкие, как шнурки, где толщиной в запястье. Один шёл прямо под бетонной обоймой бордюра и был прижат ею сверху.

Дарья присела. Кора на корне оставалась живой, светло-коричневой, без сухих трещин. От него расходились тонкие белёсые концы.

— Этот нельзя резать, — сказала она.

— Поэтому и ждём.

— Бордюр можно снять сверху.

— Можно. А плиты?

Матвей провёл ладонью над старым покрытием. Квадратные серые плиты лежали неровно, некоторые ушли углами в землю. По проекту их должны были снять, перебрать и уложить заново на более ровное основание. Новая дорожка сохраняла старый рисунок, но получала твёрдую кромку и уклон к дождеприёмным лоткам.

— Если идти по вчерашней оси, под основание придётся выбрать ещё двенадцать сантиметров, — сказал Матвей. — Здесь корень в восьми. Здесь в десяти. У второй липы, похоже, ещё выше.

— «Похоже» — это не размер.

— Сейчас откроем. Но ломом туда не полезу.

Дарья посмотрела на часы. В восемь тридцать ей надо было быть в банке. Олег уже прислал два сообщения: сначала номер кабинета, потом короткое «Не опаздывай». Она собиралась провести в саду пятнадцать минут, подписать начало демонтажа и уехать.

— Почему это не нашли вчера?

— Вчера мы проверяли край покрытия в трёх местах. Корни ушли не вдоль края, а поперёк. Я пришёл раньше, потому что хотел открыть первый ряд до жары. Сняли две плиты присосками, под ними вот это.

Матвей указал на прямоугольник, где плиты уже лежали рядом на деревянных прокладках. В песке проступала сеть корней. Они заполняли почти всю площадь, обходя камни и соединяясь у ствола.

— Дерево само подняло дорожку, — сказала Дарья.

— И поднимет снова, если положить так же.

— Что ты предлагаешь?

Он встал и повёл её вдоль реек.

— Уводим ось от трёх лип. Не рубим толстые корни. Снимаем плиты по одной, основание возле деревьев выбираем только вручную. Вместо жёсткой бетонной кромки ставим здесь камень на сухую смесь и оставляем разрыв у корневых наплывов. Через два года отдельные камни можно будет поднять и переложить.

— Через два года город спросит, почему дорожка гуляет.

— Если залить всё бетоном, через два года город спросит, почему она треснула.

— И насколько сдвигается срок?

— На аллее — день, если сегодня утвердим. Может, полтора.

— У нас нет полутора дней.

— У деревьев тоже нет запасных корней.

Дарья прошла по новой линии. Поворот был плавным, но возле скамьи дорожка сужала свободное место. Два человека разошлись бы, коляска прошла бы, однако привезти по ней широкую тележку уже было сложнее. Кроме того, рейка пересекала два будущих посадочных места для молодых лип.

— Ты завёл дорожку в мои посадки.

— Я сдвинул два места.

— На карте они привязаны к осям старых деревьев.

— На карте корни лежат аккуратными кружками. В земле они так не растут.

Она резко повернулась к нему.

— Карта посадок не картинка. По ней рассчитаны расстояния, полив и свет.

— Тогда дай другое решение, которое сохранит эти корни.

Матвей говорил спокойно, и это раздражало сильнее, чем если бы он спорил. За его спиной люди ждали оплаченного рабочего дня. Её люди должны были приехать через час размечать посадочные ямы. Банк ждал календарь поступлений. Город — обновлённый порядок работ. Любое разумное изменение уже имело цену, и от одного этого хотелось назвать его неразумным.

— Открываем ещё две точки, — сказала Дарья. — Только вручную. Я посмотрю и решу.

— Решим, — поправил Матвей.

— За посадки отвечаю я.

— За покрытие и сохранность старого камня — я. Новая линия касается обоих.

Дарья увидела, как Седой отвернулся к тележке, делая вид, что проверяет крепления. Рабочие умели не слушать начальников лучше любых дипломатов, но каждое слово всё равно оставалось в общем воздухе.

— Хорошо, — сказала она. — Посмотрим и решим оба.

Матвей раздал короткие указания. Двое рабочих подняли плиту вакуумными присосками. Её не выворачивали ломом, а медленно тянули вверх, пока влажный песок не отпустил камень с тихим чавкающим звуком. Под плитой лежал корень толщиной почти с бутылочное горлышко. Он изгибался вокруг куска кирпича и уходил под следующую плиту.

Дарья сняла перчатку и осторожно коснулась коры. Живая. Если выбрать двенадцать сантиметров под новое основание, корень окажется сверху и попадёт под щебень. Если перерезать его, липа не упадёт завтра. Она может даже не пожелтеть в этом сезоне. Но одна сторона кроны

лишится питания, в древесину войдёт гниль, а через несколько лет сильный ветер завершит то, что они начали ради красивой ровной дорожки.

— Вторую точку, — сказала она.

Вторая плита поднялась легче. Там оказалось два крупных корня, один поверх другого. Между ними лежал осколок синей посуды, гладкий от времени.

— Вот тебе археология, — сказал Седой.

— В пакет и к журналу находок, — ответил Матвей. — Не сувенир.

Седой без обиды передал осколок Дарье. Она повертела его в пальцах: синяя полоска по белой глазури, ничего ценного, но часть прежнего сада. Возможно, чашку разбили после танцев в клубе, а может, рабочие ели здесь в обед. Корни обошли осколок с обеих сторон и сомкнулись дальше.

Телефон снова завибрировал.

«Мы заходим через семь минут», — написал Олег.

Дарья выпрямилась.

— Мне нужно в банк.

— Езжай, — сказал Матвей. — Аллею до твоего возвращения не трогаем. Начнём ворота.

— Мы потеряем утро.

— Мы уже нашли корни. Утро не потеряно.

— Твои люди будут таскать инструмент с одного края сада на другой.

— Они переживут.

— А смета?

— Пока моя.

Это «моя» ударило неприятно. У каждого из них была собственная часть работы, собственные люди и ответственность. Но город видел один сад и один срок. Дарья достала планшет, сфотографировала шурфы с линейкой, отметила точки на карте и отправила Вике просьбу приехать раньше.

— Закажи топографическую привязку новой линии, — сказала она Матвею. — И ничего не закрывай до моего возвращения.

— Не закрою.

— Даже если Светлана Аркадьевна разрешит по телефону.

— Без твоих посадок я всё равно не согласую линию.

Она уже сделала три шага, когда он позвал:

— Даша.

Матвей впервые назвал её так при людях. Дарья остановилась.

— В банк ты всё равно опоздаешь, если будешь злиться на корни.

— Я не злюсь на корни.

— Вот и хорошо.

Она дошла до машины и только там поняла, что улыбается. Улыбка была короткой и совершенно неуместной.

В банке пахло кофе из автомата и новой мебелью. Олег сидел в переговорной рядом с кредитным специалистом и разложил на столе бумаги так, будто встреча началась без Дарьи и успешно шла сама.

— Девять минут, — сказал он вместо приветствия.

— В саду вскрыли крупные корни под покрытием.

— Банк не финансирует корни. Банк финансирует договор.

Кредитный специалист, молодая женщина по имени Анна, сделала вид, что проверяет таблицу. Дарья села напротив и открыла свой календарь.

Разговор касался оборотной линии, под которую была заложена её квартира. Первый городской платёж приходил после приёмки начального этапа. До этого надо было платить зар-

платы, покупать грунт, растения, крепёж и оплачивать лабораторию. Любой сдвиг приёмки означал ещё одну неделю процентов и риск не уложиться в лимит.

Олег заранее внёс в календарь отдельную строку: «Договор на обслуживание сада — подписание 1 сентября». Рядом стояла сумма, которой пока не существовало.

— Убери, — сказала Дарья.

— Почему?

— Потому что договора нет.

— Будет. Мы открываем сад, логично, что мы его и обслуживаем.

— В задании обслуживание не обещано. Его могут разыграть отдельно.

— Могут, но город любит тех, кто решает вопросы заранее.

Анна подняла глаза от таблицы.

— Для банка будущий договор без подписанных обязательств всё равно не считается подтверждённым поступлением.

— Вот именно, — сказала Дарья.

Олег пожал плечами и удалил строку, но не сумму. Он перенёс её в раздел «прогноз».

— Тогда хотя бы не увеличивай расходы, — сказал он. — Что там с корнями?

— Придётся изменить линию дорожки и способ укладки возле трёх старых лип.

— Это часть Корина.

— Изменение сдвигает две посадки.

— Пусть он отвечает за свой камень. У нас карта утверждена.

— Карта сделана до вскрытия.

Олег откинулся на спинку стула.

— Очень удобная работа. Каждый раз, когда появляется земля, можно сказать, что до неё было неизвестно.

— Земля там была всегда.

— Деньги тоже. Их почему-то никто не хочет замечать.

Дарья закрыла календарь поступлений и посмотрела на Анну.

— Начальный этап остаётся в срок. Изменение по аллее перекроем работами на южном въезде. Подтверждение от второй мастерской будет сегодня.

— Если дата приёмки не меняется, для нас этого достаточно, — сказала Анна. — Но я попрошу присылать изменения раз в неделю, а не в конце месяца.

— Пришлю.

Олег дождался, пока специалист выйдет распечатать приложение, и наклонился к Дарье.

— Ты сейчас пообещала закрыть день, которого у вас нет.

— Матвей уже переставил людей на ворота.

— Матвей. Ты быстро привыкла считать его решения общими.

— Они и есть общие там, где камень пересекается с посадками.

— А расходы тоже общие?

— Он сказал, что пока берёт их на себя.

Олег усмехнулся.

— «Пока» — хорошее слово. Потом выяснится, что ты должна ему чертежи, подряд или половину обслуживания.

— Он как раз не работает без ясных условий.

— Все так говорят до счёта.

Дарья вспомнила, как Матвей оставил два дня запаса на аллею, не назвав это услугой. Вспомнила рейки, обходящие стволы, и руки рабочих, которые поднимали каждую плиту так, будто она могла пожаловаться на грубость.

— Мы оформим изменение письменно, — сказала она.

— И заплатим за него?

— Сначала посчитаем.

— Ты заложила квартиру не ради того, чтобы Корин упражнялся в красивых изгибах.

Дарья придвинула к себе приложение, которое принесла Анна, и поставила подпись.

— Я заложила квартиру ради работы, за которую не будет стыдно через два года.

Олег ничего не ответил до самого выхода. У стеклянных дверей он всё же спросил:

— Ты понимаешь, что однажды эта фраза оставит тебя без квартиры?

— Понимаю.

— Нет. Пока не понимаешь.

Он ушёл к своей машине, не попрощавшись. Дарья осталась под козырьком. Телефон показывал четыре сообщения от Вики и одно от Матвея. Вика прислала фотографии холодильника с архивными пробами: пломбы целы, температура записана. Матвей прислал схему новой линии без пояснений.

Дарья увеличила изображение. Две молодые липы он сдвинул к восточной стороне, ближе друг к другу. Там земля была суше, а расстояние до будущего водопровода сокращалось. На сводной карте это выглядело допустимо. На полевой — рядом стояла пометка о разнице влажности.

Она набрала Матвея.

— Молодые липы нельзя просто сдвинуть на восток.

— Почему?

— Потому что мы ещё не получили анализы.

— Тогда предложи временную линию без двух посадок.

— Ты уже нарисовал окончательную.

— Я нарисовал то, что можно измерить. Решение не принимал.

Дарья услышала в трубке стук молотка и голос Седого.

— Я буду через двадцать минут, — сказала она.

— Мы у ворот. Аллея открыта и огорожена.

Когда Дарья вернулась, южные ворота стояли распахнутыми впервые за много лет. Ржавую нижнюю петлю сняли, полотно подпирали деревянные козлы. Через проём был виден тихий переулок, где грузовая машина могла разгружаться, не пересекая площадь.

Вика ждала у аллеи с журналом. Она уже осмотрела корни и нанесла их на полевую карту зелёным карандашом.

— У второй липы основная масса идёт на восток, — сказала она. — На западной стороне корней меньше, но там старый кабель. Если вести дорожку западнее, кабель придётся защищать.

— Матвей предлагает восточнее.

— Тогда сдвигаются Л-4 и Л-5.

— Вижу.

Они пошли от дерева к дереву. Дарья заставила себя не смотреть на часы. Возле каждого шурфа она опускалась на колени, проверяла кору, глубину и направление. Матвей шёл рядом и называл толщину будущих слоёв: камень, сухая смесь, щебень. Там, где можно было не выбирать грунт, он предлагал поднять дорожку на четыре сантиметра, сведя подъём длинным пологим участком. Возле скамьи её придётся переставить.

— Тамара Ильинична будет недовольна, — сказала Вика.

Садовница как раз появилась у ограды с клетчатой хозяйственной сумкой.

— Чем я буду недовольна? — спросила она.

— Хотим передвинуть вашу скамью, — сказал Матвей.

— Она не моя. Я на ней только двадцать лет сижу.

Он показал новую линию. Тамара Ильинична внимательно выслушала, потом поставила сумку на землю и прошла между рейками. На повороте остановилась, вытянула руку к спинке скамьи.

— Если её сюда, тень будет после обеда, — сказала она. — Сейчас до трёх солнце в глаза.

— Вам удобно будет подходить? — спросила Дарья.

— Мне — да. А с тележкой?

Матвей взял рабочую тачку и провёз её по намеченной дуге. В самом узком месте колесо задело рейку.

— Расширим на двадцать сантиметров, — сказал он.

— Тогда ближе к корням, — возразила Дарья.

— Не обязательно. Уберём клумбу с внутренней стороны поворота.

— Клумбу город уже видел на картинке.

Тамара Ильинична фыркнула.

— На картинке пусть и растёт. Там под липой всё равно цветы мучиться будут. Посейте траву или оставьте землю под листьями.

Дарья посмотрела на пятно, отведённое под теневыносливые многолетники. Оно украшало план и связывало старые деревья с новыми посадками. Но корни лип действительно заняли бы большую часть объёма, а летом растения пришлось бы постоянно поливать.

— От клумбы можно отказаться, — сказала она. — Это освободит проход и уменьшит земляные работы.

— Запиши, — попросил Матвей Вику.

— Сначала Светлана Аркадьевна, — ответила Дарья.

— Сначала наше решение. Иначе ей нечего согласовывать.

Он был прав. Дарья снова прошла всю линию, теперь медленно. У старых лип дорожка огибала корни. Два места для молодых деревьев исчезали из первой очереди, но не обязательно из сада: их можно было перенести дальше к площади после отдельных анализов или высадить весной. Клумба уступала место свободной земле под кроной. Скамья оказывалась в тени. Проход сохранял ширину. Работы становились сложнее, зато не требовали притворяться, будто живая земля обязана совпадать с чертежом.

— Принимаю линию как рабочий вариант, — сказала Дарья. — Два посадочных места снимаем до результатов лаборатории. Не переносим, а именно снимаем. После анализов решим, где их вернуть. Возле корней основание выбираем вручную, с моим присутствием или Вики. Все открытые корни закрываем влажной тканью и грунтом в тот же день. Никакой известковой смеси ближе метра от ствола.

Матвей кивнул.

— Кромка на сухой смеси, разрывы отмечаем в исполнительной схеме. Камни нумеруем снизу, чтобы потом можно было разобрать участок без угадывания.

— Скамью переносим после согласования с Тамарой Ильиничной.

— Я уже согласовала, — сказала садовница. — Только поставьте не боком к дорожке. Я хочу людей видеть, а не куст.

Вика записывала условия. Дарья попросила её прочитать вслух. Каждая фраза была конкретной: расстояние, материал, ответственный, фотография до закрытия. Никаких «по возможности» и «при необходимости».

— Теперь Светлана Аркадьевна, — сказала Дарья.

Заказчица приехала через сорок минут. Она вышла из машины в светлом костюме и городских туфлях, которые сразу провалились каблуками в рыхлую землю. Увидев снятые плиты, Беляева нахмурилась.

— Мне доложили об изменении трассы. Насколько оно заметно?

— Настолько, чтобы сохранить три старые липы, — ответил Матвей.

— Я спрашиваю не о причине. Я спрашиваю о виде.

Дарья протянула ей планшет с наложенными линиями. Старая была красной, новая — синей.

— Поворот станет мягче, скамья сместится в тень, клумбу под липой уберём. Два места молодых деревьев временно снимаем до лабораторных результатов. Общая вместимость дорожки и доступность сохраняются.

— На визуализации аллея прямая.

— Визуализация сделана без вскрытия корней.

— Жители уже видели её на слушаниях.

— Жители видели сад со взрослыми липами, — сказал Матвей. — Если ради прямой линии повредить их, картинка продержится меньше деревьев.

Беляева посмотрела на него поверх планшета.

— Вы всегда разговариваете так, будто заказчик хочет уничтожить собственный объект?

— Нет. Только когда заказчик просит объяснить очевидное дважды.

Дарья наступила ему на носок ботинка. Сделала это прежде, чем успела подумать. Матвей замолчал и посмотрел на неё с удивлением.

— Мы предлагаем изменение без переноса даты открытия, — быстро сказала она. — Южный въезд уже открыт для технического движения. Потерянное время перекрыто. Дополнительную стоимость представим сегодня, но часть расходов снимается за счёт отказа от клумбы и двух посадочных мест первой очереди.

— То есть будет дешевле?

— Пока не посчитали, нельзя обещать.

Олег, если бы стоял рядом, ответил бы иначе. Он назвал бы экономию до расчёта, превратил бы два дерева в резерв и уже искал, куда его направить. Дарья почувствовала знакомое желание сделать именно так — успокоить заказчицу числом, которого ещё нет. Вместо этого она продолжила:

— К четырём часам дадим ведомость изменений. До этого прошу согласовать сам принцип: старые корни не режем ради исходной геометрии.

Беляева прошла по рейкам. Тамара Ильинична осталась у ограды, не вмешиваясь. Возле второй липы заказчица увидела открытый корень и присела, придерживая юбку.

— Он действительно так близко?

— В восьми сантиметрах от низа плиты, — сказал Матвей уже без резкости. — Дерево годами поднимало покрытие. Поэтому здесь и был бугор.

— А нельзя положить что-то мягкое сверху?

— Можно, но дорожка всё равно должна уйти в сторону. Над корнем оставим грунт и воздух, а не зажмём его новым основанием.

Беляева выпрямилась.

— Хорошо. Согласую при условии, что ширина прохода не уменьшится и дата останется прежней. Изменение пришлите письмом.

— Пришлём, — сказала Дарья.

Когда машина уехала, Матвей посмотрел на свой ботинок.

— Это был новый способ ведения переговоров?

— Ты собирался поссориться с человеком, чья подпись нам нужна.

— Я ответил на вопрос.

— Ты ответил на раздражение.

— А ты наступила мне на ногу.

— Сработало.

Он хотел сохранить серьёзное лицо, но не смог.

— В следующий раз предупреждай.

— Тогда не сработает.

Вика кашлянула над журналом. Тамара Ильинична открыто рассмеялась. Дарья почувствовала, как кровь приливает к лицу, и отвернулась к рейкам.

До обеда они считали изменение. Матвей принёс ведомость камня и часов ручной работы. Дарья вычеркнула клумбу, две посадочные ямы и часть плодородного грунта. Разница оказалась небольшой: ручной демонтаж и повторная геодезия съедали почти всю экономию, но общая сумма не росла.

— Ноль? — спросила Дарья.

— Плюс четыре тысячи триста, если считать новый крепёж скамьи, — сказал Матвей.

— Крепёж был и в старой смете.

— Там обычный. Здесь нужен длиннее из-за старого фундамента.

— Две посадочные ямы стоят больше четырёх тысяч.

— Деревья остаются в поставке. Ты только переносишь их.

— Пока снимаю.

— Питомник не снимет два дерева из заказа без потери задатка.

Дарья проверила договор. Он снова был прав. Липы уже формировали к отгрузке, и отмена ничего не сэкономила. Их придётся высадить в другом месте или временно прикопать во дворе.

— Тогда плюс четыре триста, — сказала она. — Делим пропорционально нашим работам.

— Нет.

— Почему?

— Потому что корни под моим покрытием. Я не заложил ручное вскрытие в достаточном объёме.

— Ты не мог видеть их сквозь плиты.

— Мог предположить по буграм.

— А я могла точнее нанести корневые зоны.

— Не могла без вскрытия.

— Тогда и ты не мог.

Матвей отложил карандаш.

— Ты всегда споришь за право заплатить?

— Я спорю за точную границу ответственности.

— Четыре тысячи триста — не та граница, на которой надо умирать.

— Поэтому тебе легко уступить её себе.

Они сидели по разные стороны складного стола. Между ними лежали ведомость, две кружки и синий осколок, найденный под плитой. Вокруг шла работа: стучал молоток у ворот, Вика диктовала номера точек, рабочие переносили плиты. Но Дарья вдруг слышала только дыхание Матвея и шорох бумаги под его ладонью.

— Хорошо, — сказал он. — Половина крепёжа твоя. Ручная работа моя. Геодезия пополам, потому что новая линия нужна обоим. Так достаточно точно?

— Да.

— Семьсот восемьдесят рублей с твоей стороны.

— Я переживу.

— Надеюсь.

Он сделал пометку и подвинул ведомость к ней. Их пальцы встретились на краю листа. Матвей не убрал руку сразу. Дарья тоже. Секунда была слишком короткой, чтобы назвать её прикосновением, и слишком долгой для случайности.

— Дарья, — позвала Вика с аллеи. — Здесь ещё один корень.

Она отдёргнула руку и пошла на голос.

К вечеру первый участок дорожки был разобран. Каждая плита получила номер мелом с нижней стороны и легла на прокладки в том порядке, в каком её сняли. Корни укрыли влажной тканью, края шурфов засыпали рыхлой землёй. Новая линия уже не казалась прихотью: она следовала между деревьями, как вода между камнями.

Дарья проверила все фотографии до закрытия. На одном снимке Матвей стоял по колено в шурфе и поддерживал плиту плечом, пока рабочий менял захват. На другом он сидел рядом с Тамарой Ильиничной на ещё не перенесённой скамье, и они оба смотрели на дорожку, будто ждали автобус.

— Что она тебе говорила? — спросила Дарья.

— Что в восемьдесят шестом здесь меняли трубы и тоже обещали не трогать липы.

— Тронули?

— Одну. Она упала через шесть лет.

Дарья посмотрела на старый ствол. След от потерянного дерева угадывался в слишком широком промежутке между кронами.

— Поэтому ты остановил работу ещё до меня?

— Я остановил, потому что увидел живой корень. Рассказ услышал потом.

— Разумно.

— Можно ещё раз? Я запишу.

Она толкнула его плечом. Матвей качнулся, хотя наверняка мог устоять, и улыбнулся.

— Спасибо, что не начал без согласования, — сказала Дарья.

— Спасибо, что изменила карту.

— Рабочую линию. Карта пока остаётся.

— Конечно.

Он произнёс это без насмешки, но Дарья всё равно услышала в словах то, чего там могло не быть. Её карта грунта тоже пока оставалась. Лаборатория ещё не прислала результатов. Архивные пакеты лежали в холодильнике, предупреждение Вики — в журнале. Сегодня она приняла изменение, потому что корни можно было увидеть и потрогать. С числами на бумаге будет труднее: они редко торчат из земли настолько явно, чтобы остановить лом.

Вика подошла с листом изменений.

— Подписи, — сказала она.

Дарья прочитала запись ещё раз. «Исходная линия покрытия изменена после ручного вскрытия живых скелетных корней трёх старых лип. Решение принято совместно Д. Левиной и М. Кориным». Ниже шли условия и распределение расходов.

Она подписала. Матвей поставил подпись рядом.

Две фамилии оказались на одной строке, но каждая отвечала за своё.

Перед уходом Дарья обошла аллею в последний раз. Белые рейки светились в сумерках. Там, где утром она видела угрозу сроку, теперь проступала дорога — не прямая, зато честная по отношению к тому, что уже жило здесь задолго до их договора.

У ворот Матвей догнал её и протянул синий осколок в прозрачном пакете.

— Заберёшь в журнал?

— Завтра передам в управление.

— А если им не нужен?

— Отдадим Тамаре Ильиничне.

— Она сказала, что чашка была не её.

— Значит, в саду останется вещь, которая никому не принадлежит.

— Редкая роскошь.

Дарья убрала пакет в боковой карман рюкзака.

— Завтра начинаете укладку?

— Сначала ты проверишь открытые участки.

— Я буду в семь.

— Тогда и я.

Они стояли слишком близко для обычного разговора у ворот и слишком далеко, чтобы это можно было признать. За спиной Матвея рабочие закрывали створку технического въезда. В саду пахло влажной землёй, ржавым железом и липовой корой.

— До завтра, — сказала Дарья.

— До завтра.

Она дошла до машины, открыла дверь и посмотрела назад. Матвей уже вернулся к аллее и вместе с Седым поправлял ограждение. Он не следил, уехала ли она. Именно это почему-то заставило Дарью задержаться ещё на несколько секунд.

Потом она села за руль и отправила Олегу ведомость изменений. Через минуту пришёл ответ: «Четыре тысячи — мелочь. Опасно другое: ты позволила Корину менять твой план».

Дарья перечитала сообщение и посмотрела на белые рейки в зеркале.

Она не позволила Матвею изменить её план. Они оба позволили земле изменить их решения.

Но объяснять это Олегу она не стала.

Глава 5. Партнёр со скидкой

На следующий день Олег привёз в общий двор три образца бордюрной ленты и человека в белой рубашке.

Человек держал под мышкой чёрную папку, старательно обходил лужи и называл Олега Олегом Павловичем, хотя Дарья ни разу не слышала от партнёра отчества. Они стояли возле фургона «Листа», когда Дарья вернулась из сада. На рабочем столе лежали куски пластика: гладкий чёрный, ребристый зелёный и коричневый, который должен был изображать дерево.

— Вот и руководитель проекта, — сказал Олег. — Дарья, познакомься: Роман, компания «ГринПоставка». Они готовы закрыть нам все расходники по саду.

Роман протянул сухую ладонь.

— Очень приятно. Мы давно следим за вашими объектами.

Дарья пожала руку и посмотрела на образцы.

— Какими именно?

Роман моргнул.

— В целом по городу. У вас заметный почерк.

У «Листа» было два частных двора, двор поликлиники и маленький сквер возле нового дома. Никакого почерка из проезжающей машины увидеть было нельзя. Дарья взяла чёрную ленту и согнула. Пластик легко побелел на изгибе.

— Это для чего?

— Разделитель газона и отсыпки. Хорошая плотность, морозостойкость до минус сорока.

— Сертификат?

Роман раскрыл папку.

— Конечно. И на геотекстиль, и на решётку, и на крепёж. Мы собрали предложение под вашу ведомость. Экономия одиннадцать процентов.

— Откуда у вас наша ведомость?

— Я отправил, — сказал Олег. — Коммерческая часть у меня.

— Ведомость содержит рабочие объёмы второй мастерской.

— Я убрал их цены.

— Но оставил объёмы.

— Чтобы получить скидку, поставщик должен знать объём.

Роман стоял между ними с открытой папкой и выражением человека, который привык переживать семейные споры возле кассы. Дарья отложила ленту.

— Мы не ставим пластиковый разделитель на северной аллее.

— Не на аллее, — быстро сказал он. — В цветниках у площади. Там у вас в смете стальная полоса. Наша лента дешевле в четыре раза и монтируется быстрее.

— Сталь держит кромку отсыпки. Этот пластик поведёт после первой зимы.

— Минус сорок.

— Температура сама по себе ничего не говорит. Его давит грунтом, поднимает морозом, задевает уборочная техника.

Роман нашёл в папке лист с печатью.

— Испытания проведены.

Дарья прочитала название документа. Испытывали потерю прочности после охлаждения образца, а не работу ленты в грунте. Бумага подтверждала только то, что кусок пластика не рассыпался в морозильной камере.

— Нам не подходит, — сказала она.

Олег скрестил руки.

— Ты посмотрела один пункт.

— Этого достаточно для одного материала.

— Есть ещё геотекстиль.

Роман вынул два серых квадрата. Один был плотным, другой просвечивал на солнце. Дарья растянула тонкий образец между пальцами. Нити разошлись.

— Какая плотность?

— Сто пятьдесят.

— По паспорту или фактически?

— По паспорту, разумеется.

— Рулон можно взвесить?

— На складе.

— Привезите один запечатанный рулон. Взвесим, измерим площадь, возьмём кусок на разрыв. До этого замену не согласую.

Роман посмотрел на Олега.

— Мы ведь говорили о партии, а не об образце.

— Образец войдёт в партию, если соответствует, — сказала Дарья.

— Конечно. Просто резерв на складе держат под заказ.

— Значит, не держите.

Олег закрыл папку перед ним.

— Роман, дай нам десять минут.

Поставщик отошёл к воротам и достал телефон. Олег подождал, пока тот окажется достаточно далеко.

— Одиннадцать процентов, — сказал он. — На нашей части это почти сто восемьдесят тысяч.

— Если заменить всё из их предложения.

— Не всё. То, что не видно после сдачи.

— После сдачи не видно почти ни одного основания.

— Именно.

Дарья посмотрела на него. Олег не шутил.

— Геотекстиль либо разделяет грунт и щебень, либо через год они смешиваются. То, что его не видно, не делает его лишним.

— Я не предлагаю убрать. Я предлагаю другой.

— Ты предлагаешь купить паспорт и надеяться, что рулон похож на него.

— Проверь рулон. Роман согласится.

— Согласится, когда поймёт, что иначе мы ничего не возьмём.

— Вот и отлично. Но ты начала с отказа так, будто экономия — личное оскорбление.

Дарья сняла каску и положила на стол. Волосы под ней намокли, на висках прилипла пыль. В саду она провела четыре часа на коленях, проверяя открытые корни перед укладкой. Там каждое решение можно было подтвердить линейкой и фотографией. Здесь цифра «одиннадцать процентов» заслоняла всё, что требовалось потрогать руками.

— Экономия бывает разной, — сказала она. — Можно убрать клумбу, которая плохо живёт под липой. Можно не покупать лишнее. А можно спрятать дешёвый материал под землёй и оставить городу будущий ремонт.

— Город купил результат по смете. Если материал имеет сертификат и выполняет задачу, разница остаётся нам.

— Если выполняет.

— Поэтому ты здесь. Проверять, а не отвергать всё, что нашёл не ты.

Последняя фраза была рассчитана точно. Дарья почувствовала знакомое желание доказать, что она умеет отделять полезное предложение от вмешательства. Олег часто делал так:

превращал несогласие с ним в недостаток её характера, а потом терпеливо ждал, пока она сама уступит ради собственной разумности.

— Хорошо, — сказала она. — Запечатанный рулон геотекстиля проверим. Пластиковую ленту исключаем. По решётке нужны образец и паспорт. Крепёж сравним с проектным по толщине покрытия и нагрузке.

— Уже лучше.

— И ведомость второй мастерской больше никому не отправляй без согласия Матвея.

— Там нет секрета.

— Это не тебе решать.

Олег вздохнул.

— Тебе очень понравилось делить границы с Кориным.

— Границы были до него.

— Но раньше ты не читала мне лекции о чужих объёмах.

— Раньше у нас не было общего объекта.

Роман вернулся по знаку Олега. Они договорились о рулоне к полудню и нескольких образцах крепежа. Поставщик заметно повеселел, услышав, что разговор продолжается, и пообещал особые условия на будущие объекты.

— Нас особенно интересуют постоянные контракты, — сказал он. — На разовых поставках трудно раскрыть всю скидку. А если будет сезонное обслуживание сада, мы дадим отсрочку сорок пять дней.

Дарья перевела взгляд на Олега.

— Какое обслуживание?

— Возможное, — ответил тот.

— Роман говорит о нём как о решённом.

— Я объяснил перспективу.

Поставщик понял, что снова оказался между ними.

— Речь шла только о расчёте условий, — сказал он. — Никаких обязательств.

— Тогда не учитывайте обслуживание, — сказала Дарья. — У нас нет такого договора.

Роман собрал образцы, оставив только плотный геотекстиль и таблицу цен. На прощание он пожал Дарье руку уже осторожнее и уехал на чистой серой машине.

Олег проводил его взглядом.

— Ты могла не обрубить перспективу при поставщике.

— А ты мог не продавать то, чего у нас нет.

— Я ничего не продавал. Я создаю условия. Если мы заранее договоримся о цене материалов, то подадим лучшее предложение на обслуживание.

— Если конкурс вообще будет.

— Не будет, если Беляева оформит продолжение текущего договора.

— Она не обещала.

— Пока не обещала.

Олег достал из машины тонкую синюю папку и положил перед Дарьей. Внутри был проект дополнительного соглашения с городским управлением. Название мастерской «Лист» уже стояло в шапке. Предмет — сезонный уход за посадками, полив, санитарная обрезка и ведение журнала сада. Срок — три года.

— Откуда это? — спросила Дарья.

— Черновик.

— Чей?

— Нашего юриста.

— Ты заказал договор, не обсудив со мной.

— Я заказал бумагу, чтобы было что обсуждать.

Дарья перелистнула страницы. Оплата выглядела хорошей, особенно первые два года. Третий был рассчитан без поправки на рост цен. Ответственность за приживаемость всех растений переходила исполнителю, включая те, что высаживали другие подрядчики. Журнал сада считался рабочим материалом «Листа» и не передавался заказчику до окончания договора.

— Нет, — сказала она.

— Ты даже не дочитала.

— Дочитала достаточно. Мы не можем отвечать за все посадки без отдельного акта. И журнал не должен быть нашей собственностью.

— Почему? Мы его ведём.

— Потому что сад городской. Если через год нас заменят, новый садовник должен видеть, что поливали, чем подкармливали и почему дерево болеет.

— Если нас заменят, пусть новый садовник собирает свои данные.

— Дерево не начинает жизнь с нового подрядчика.

Олег постучал пальцем по сумме.

— Этот договор закрывает кредит за два сезона.

Дарья снова посмотрела на цифры. Квартира, которую она заложила ради первого большого заказа, сразу возникла перед глазами до мелочей: светлая полоска на стене от снятой фотографии, царапина на кухонном столе, балконная дверь, которую приходилось приподнимать за ручку. Два сезона действительно могли вернуть ей безопасность. Не прибыль на бумаге, не будущий рост, а ключи без банковского обременения.

— Закрывает, если не придётся менять чужие деревья за свой счёт, — сказала она.

— Пропишем акт состояния.

— И передачу журнала городу.

— Тогда мы теряем преимущество.

— Какое преимущество?

— Знание объекта.

— Знание не должно запирает заказчика у нас.

— Ты сейчас защищаешь город от собственной мастерской?

— Я защищаю сад от смены подрядчика.

Олег рассмеялся без веселья.

— Сад не платит зарплаты.

— Люди платят нам за сад.

— Люди платят за отсутствие проблем. Им не нужен твой нравственный роман с каждой липой.

Дарья закрыла папку.

— Без моего согласия Беляевой это не отправляй.

— Почему твоего? У меня сорок процентов компании.

— И финансовые решения в пределах утверждённого бюджета. Новый трёхлетний договор меняет работу мастерской.

— Делает её устойчивой.

— Делает её зависимой от одного заказчика.

— Сейчас она зависит от твоей квартиры.

Слова попали точно, как и всегда. Олег умел находить место, где факты больше оскорблений. Дарья положила ладонь на синюю папку.

— Я заберу черновик.

— Он есть у меня в почте.

— Тогда считай, что я получила его официально и официально не согласовала.

В ворота въехал фургон «Кромки». Матвей вышел из-за руля, заметил Олега и коротко кивнул. Седой открыл задние двери. Внутри стояли ящики с очищенным камнем для первой секции аллеи.

— Кстати, — сказал Олег громче, — у нас предложение по крепежу и геотекстилю. Хорошая скидка на общий объём.

Матвей подошёл к столу.

— Кто поставщик?

— «ГринПоставка».

— Не знаю.

— Теперь знаешь. Рулон будет к полудню. Если материал проходит проверку, берём на обе мастерские.

— На свою берите что хотите, — сказал Матвей. — Мои объёмы со мной никто не согласовывал.

— Дарья уже сказала про границы, — ответил Олег. — Я понял.

Его тон означал обратное. Матвей посмотрел на Дарью, потом на папку под её рукой.

— Есть проблема?

— Пока нет, — сказала она.

Олег улыбнулся.

— Вот видишь. А я думал, у вас всё общее.

Матвей не подхватил провокацию.

— Моя ведомость у поставщика?

— Без цен, — сказала Дарья. — Олег отправил её до согласования. Я запретила использовать твои объёмы в заказе.

— Спасибо.

Он сказал это ей, не Олегу. Потом взял таблицу цен и просмотрел строки.

— Крепёж для скамьи у них тоньше проектного, — сказал он. — Покрытие не указано.

— Образец привезут, — ответил Олег.

— Можете проверить. Я не беру.

— Даже если он такой же?

— Если такой же, обсудим. Пока не такой.

— Вы оба удивительно любите слово «пока».

— Оно дешевле, чем переделка, — сказал Матвей.

Олег забрал таблицу.

— Ладно. Проверяйте. Только к вечеру мне нужен заказ. Склад не будет держать резерв.

Он уехал, оставив синюю папку Дарье. Матвей помог Седому выкатить первый ящик и только потом спросил:

— Что за черновик?

— Договор на обслуживание сада.

— Город предложил?

— Олег предложил городу, хотя город ещё не знает.

Матвей присел у ящика и проверил номера на камнях.

— А ты хочешь обслуживание?

— Хочу, если условия честные. Для молодых посадок лучше, когда их ведут те, кто высаживал. И для мастерской это постоянная работа.

— Но?

— Он хочет оставить журнал у нас, чтобы следующий подрядчик не смог быстро войти в объект.

Матвей провёл пальцем по номеру, нанесённому мелом.

— Как если бы я не отдал схему разобранной дорожки.

— Да.

— Тогда через три года никто не поймёт, какой камень откуда вынуть.

— Именно.

— А ты спорила со мной за подпись под общим решением.

— И правильно спорила.

— Правильно.

Его согласие оказалось спокойным, без желания выиграть прежний спор. Дарья села на край стола.

— Договор закрыл бы мой кредит.

Матвей поднял голову.

— Поэтому ты должна согласиться?

— Поэтому я должна не делать вид, что мне легко отказаться.

Он встал. Между ними оставался ящик с камнями.

— Можно переписать условия.

— Олег считает открытый журнал потерей преимущества.

— Для него, наверное, так и есть.

— А для тебя?

— Для меня преимущество — знать, как сделать работу. Если всё преимущество держится на том, что я спрятал схему, значит, работу сможет сделать кто угодно.

Дарья посмотрела на его руки. На костяшках остались белые следы каменной пыли, под большим пальцем свежая ссадина. Вчера этими руками он придерживал лист рядом с её пальцами. Сегодня между ними была папка с суммой, способной вернуть ей квартиру, и разговор от этого казался опаснее любого прикосновения.

— Ты легко рассуждаешь, когда это не твой залог, — сказала она.

Матвей не отступил.

— Да. Поэтому решение твоё. Но я не стану говорить, что плохое условие становится хорошим из-за твоего долга.

Она ждала утешения и одновременно боялась его. Матвей не предложил денег, не сказал, что всё уладится, не назвал Олега мерзавцем. Он оставил тяжесть там, где она лежала.

— Спасибо, — сказала Дарья.

— За что?

— Что не облегчил.

— Не уверен, что это комплимент.

— Не привыкай.

К полудню привезли рулон геотекстиля. Роман приехал уже без папки, зато с кладовщиком и напольными весами. На заводской упаковке было указано сто метров длины и два метра ширины. При плотности сто пятьдесят граммов квадратный метр сам материал должен был весить тридцать килограммов без втулки и плёнки.

Весы показали двадцать четыре и семь.

— Влажность, допуск, втулка, — начал Роман и тут же понял, что перечисляет причины не в ту сторону.

— Втулка прибавляет, — сказала Вика.

Матвей стоял в стороне, скрестив руки. Олег приехал за минуту до проверки и теперь смотрел на дисплей.

— Может, длина меньше? — спросил он.

— Тогда нас обманывают по площади, — ответила Дарья.

Они размотали пять метров вдоль двора. Ширина совпала. Дарья вырезала квадрат двадцать на двадцать сантиметров, Вика взвесила его на лабораторных весах. Пересчитанная плотность получилась сто двенадцать граммов на квадратный метр.

Роман покраснел.

— Возможно, склад перепутал партии.

— Паспорт приклеен к этому рулону, — сказала Дарья.

— Я разберусь с производителем.

— Разберитесь. Мы эту партию не берём.

Олег постучал носком ботинка по рулону.

— А плотный образец был нормальный?

Вика взвесила оставленный утром квадрат. Он соответствовал ста пятидесяти.

— Вы привезли образец от другого материала, — сказала Дарья.

— Я не знал, — ответил Роман.

Возможно, он говорил правду. Возможно, на его складе действительно перепутали партии. Но саду было безразлично, кто именно не знал. Под дорожкой остался бы тонкий материал с красивым паспортом.

— Забирайте рулон, — сказала Дарья. — И больше не используйте нашу ведомость.

Роман повернулся к Олегу.

— Олег Павлович, мы можем дать дополнительную скидку и заменить до вечера.

— Сначала письменное объяснение по партии, — ответил тот.

Дарья ожидала, что он начнёт торговаться. Вместо этого Олег помог кладовщику поднять рулон и молча закрыл багажник их машины. Когда поставщики уехали, он вернулся к весам.

— Хорошо, — сказал он. — Этого не берём.

— И остальное у них тоже.

— Почему? Крепёж мы не проверили.

— Потому что они выдали один материал за другой.

— Один рулон мог попасть не из той партии.

— А образец из правильной попал точно.

Олег посмотрел на Вику и Матвея.

— Можно без зрителей?

— Они участвовали в проверке, — сказала Дарья. — Результат запишем в журнал закуп.

— Это внутренний журнал «Листа».

— Материал предлагался на общий объект.

— Но не куплен.

— Именно потому, что мы проверили вместе.

Матвей поднял ящик с камнем.

— Мне достаточно знать, что поставка снята, — сказал он. — Ваш разговор мне не нужен.

Он ушёл к фургону. Вика собрала весы и тоже отошла, но Дарья успела заметить, как помощница внесла номер партии в тетрадь.

— Ты довольна? — спросил Олег.

— Чем?

— Доказала, что я привёл мошенника.

— Я доказала, что рулон не соответствует паспорту.

— При всех.

— Мы проверяли материал, который собирались положить в городской сад. Где надо было это делать — у тебя на кухне?

— Можно было сначала сказать мне.

— Весы сказали одновременно всем.

Олег провёл ладонью по лицу.

— Я искал экономию, потому что твой проект почти не оставляет прибыли. Ты так составила смету. Не я.

— Мы оба её утверждали.

— Я предупреждал, что резерв маленький.

— И предложил заработать на обслуживании, которого ещё нет.

— Потому что думаю на два года вперёд.

— Тогда почему в третьем году договора нет роста цены?

Он замолчал.

Дарья открыла синюю папку и показала строку.

— Через три года зарплаты, топливо и материалы не останутся прежними. Прибыль первых сезонов уйдёт на третий. А ответственность за чужие посадки останется все три года.

Олег прочитал пункт.

— Исправим.

— И журнал передаём городу.

— Нет.

— Тогда я не подпишу.

— Ты готова отказаться от денег из-за тетради?

— Из-за права следующего человека не начинать вслепую.

— Следующий человек будет нашим конкурентом.

— Сегодня Матвей тоже конкурент. Это не значит, что я могу спрятать от него сведения о корнях под его дорожкой.

Олег захлопнул папку.

— Опять Корин.

— Не Корин. Работа.

— Ты говоришь его словами.

— Нет. Я говорю своими. Просто раньше ты слышал их, только пока они не мешали прибыли.

Он отступил на шаг, словно она толкнула его. Дарья тоже почувствовала удар сказанного, но забирать слова не стала.

— Хорошо, — произнёс Олег. — Пиши свои условия. Посмотрим, сколько останется от выгодного договора.

— Напишу.

— И обычного поставщика ищи сама.

— Найду.

— До вечера. Иначе завтра твои люди останутся без материалов.

Он сел в машину и уехал. Дарья стояла посреди двора рядом с вырезанным серым квадратом. Одиннадцать процентов экономии исчезли, а вместе с ними — удобное объяснение, откуда взять прибыль. Зато под землёй не окажется материал, который был тоньше обещанного на четверть.

Вика подошла с тетрадью.

— Я записала номер партии, вес рулона и образца. Фотографии приложу.

— Хорошо.

— Обычный геотекстиль есть у нашего старого поставщика. На четыре процента дороже сметы, доставка послезавтра.

— Завтра нужен хотя бы один рулон.

— Можно забрать самим со склада. Я позвонила, они отложат до шести.

Дарья посмотрела на неё.

— Когда ты успела?

— Пока вы спорили про журнал.

— Спасибо.

— Я не за тебя. Я за то, чтобы завтра было чем работать.

Фраза могла прозвучать колко, но Вика сказала её просто. После спора о пробах между ними оставалась осторожность. Помощница выполняла работу точно, не предлагая Дарье лёгкого прощения.

— Правильно, — сказала Дарья. — Поедем вместе. И возьмём контрольный квадрат из рулона до оплаты.

— Уже попросила весы на складе.

Дарья улыбнулась.

— Тогда я здесь лишняя.

— Нет. Подпись твоя.

Матвей позвал их к фургону. Первый ряд камней был готов к возврату в сад, но между ящиками не хватало деревянных прокладок. Дарья нашла на складе «Листа» сухие обрезки и принесла охапку. Они втроём перекладывали камни, сверяя номера.

— Поставщика сняли? — спросил Матвей.

— Да, — ответила Дарья.

— Из-за рулона или из-за журнала?

— Поставщика — из-за рулона. С Олегом — из-за журнала.

— И кто победил?

— Пока никто. Я напишу свои условия.

Матвей поставил камень на прокладки.

— Если хочешь, покажу, как мы передаём схемы обслуживания камня. Там простой список: что осматривать весной, что нельзя сыпать зимой, какие участки разбираются первыми.

— Это твой документ.

— Поэтому я могу его предложить.

— Без договора?

— Без договора только образец. Остальное — когда решишь, нужен ли он тебе.

Дарья поняла, что он запомнил её слова о границах лучше Олега. Матвей не отдавал работу целиком ради близости и не превращал помощь в долг. Он предлагал ровно то, что мог дать сейчас.

— Пришли образец, — сказала она. — Я сделаю садовый журнал по той же логике, но открытый для города.

— Пришлю.

Они закончили укладывать камни. На верхнем Дарья мелом написала номер ящика и дату. Белая пыль осталась на пальцах.

Вечером, перед поездкой на склад, она открыла черновик договора и добавила три условия. Все растения принимались по отдельному акту состояния. Стоимость пересматривалась каждый год по подтверждённым расходам. Журнал сада вёлся в двух экземплярах и принадлежал объекту, а не подрядчику; заказчик получал обновление ежемесячно и мог передать его следующему исполнителю.

Сумма прибыли уменьшилась. Кредит по-прежнему можно было закрыть, но не за два сезона, а ближе к концу третьего. Квартира оставалась в залоге дольше.

Дарья долго смотрела на расчёт, затем отправила документ Олегу с пометкой: «Только в этой редакции можно обсуждать с городом».

Ответа не было.

Она убрала телефон и взяла со стола серый квадрат геотекстиля. Тонкий материал почти ничего не весил. Именно поэтому на нём так легко было заработать: разницу прятали под землёй, а последствия приходили после оплаты.

Дарья подписала образец маркером и прикрепила к журналу закупок.

Скидка осталась у них только как доказательство того, от чего они отказались.

Глава 6. Первый общий день

Первый по-настоящему общий рабочий день начался не в саду, а перед запертой дверью склада.

Дарья приехала без четверти семь и увидела у навеса две машины «Кромки», свой фургон и погрузчик, вставший поперёк ворот. За рулём сидел незнакомый парень в оранжевом жилете и смотрел в телефон. Возле двери склада Вика держала коробку с капельницами для полива, а Седой — связку деревянных кольев. Оба молчали с той сосредоточенностью, после которой обычно начинали говорить все сразу.

— Что случилось? — спросила Дарья.

Вика приподняла коробку.

— Наши фитинги внутри. Замок сменили.

— Не сменили, — сказал Седой. — Вчера заклинило личинку. Матвей поставил новый. Ключ у него.

— А Матвей где?

— На разгрузке камня. Пять минут.

Парень в погрузчике посигналил. К воротам задом подползал грузовик с мешками растительного грунта. Водитель высунулся из окна и крикнул, что стоять на улице не будет: за ним уже собрались две легковые машины.

Дарья оглядела двор. На бумаге они разделили его аккуратно: левая полоса — «Листу», правая — «Кромке», середина свободна для проезда, под навесом общий стол. В жизни правая полоса была занята поддонами с камнем, левая — мешками мульчи, а посередине стоял погрузчик, потому что только там его вилы могли развернуться. Прямые линии из соглашения исчезли под первым же грузом.

— Чей погрузчик? — спросила она.

— Арендный, наш, — ответил Седой. — Через час заберут.

— Тогда освободите ворота сейчас. Мне надо разгрузить грунт.

— Камень разгружаем первым. Машина уже на площадке у сада.

— А моя машина уже здесь.

— Значит, приехала не по графику.

Вика поставила коробку на землю.

— По нашему графику она на семь.

— По нашему погрузчик на семь, — сказал Седой.

Дарья достала телефон. В переписке с поставщиком стояло семь утра. В общем файле, который они завели позавчера, доставка грунта значилась с семи до восьми. Там же была запись Матвея: «камень, 6:30–8:00, разгрузка у южных ворот». Две строки существовали рядом и никого не остановили.

Матвей вошёл во двор пешком, застёгивая на ходу рабочую куртку. Он увидел грузовик, погрузчик и людей возле склада и не стал спрашивать, всё ли в порядке.

— Ключ, — сказал он Седому и бросил связку.

Вика открыла склад. Матвей подошёл к водителю погрузчика, показал, куда сдать назад, и через минуту середина двора освободилась. Грузовик с грунтом въехал, но развернуться уже не мог: мешки мульчи перекрывали подход к месту выгрузки.

— Их вечером поставили не туда, — сказала Дарья.

— Их поставили на вашу сторону, — ответил Матвей.

— На место разгрузки.

— У вас вся сторона — место разгрузки.

Она услышала в его голосе не насмешку, а усталость человека, который с половины шестого двигал тяжёлое и теперь не собирался признавать, что виноват во всём дворе. От этого было не легче.

— Мне нужно снять двадцать два мешка и увезти в сад восемь, — сказала Дарья. — Если сейчас начнём переставлять мульчу вручную, потеряем сорок минут.

— Если погрузчик уйдёт со двора за вашими мешками, мой камень останется на дороге.

— Твой камень разгружается у сада.

— Этим же погрузчиком.

— Ты заказал машину, не отметив, что она нужна здесь и там одновременно.

— Я отметил время и место. Вы вписали свою доставку поверх.

Дарья увеличила таблицу на экране. Место у камня действительно стояло: южные ворота сада. Но никто не записал маршрут погрузчика через общий двор и обратно. Её поставка тоже была указана честно, только из строки не следовало, что грузовик займёт весь проезд.

Водитель грунта заглушил двигатель и спустился из кабины.

— Решайте пять минут, — сказал он. — Потом у меня платный простой.

— Сколько? — спросил Матвей.

Водитель назвал сумму за час.

Седой негромко присвистнул.

— Разгружаем грунт, — сказал Матвей. — Камень подождёт двадцать минут.

— Аренда погрузчика твоя, простой камня твой, — сказала Дарья. — Половину времени оплачу я.

— Не надо.

— Надо. Моя строка тоже была в таблице, но я не проверила пересечение.

Матвей посмотрел на неё, будто хотел возразить, потом кивнул водителю погрузчика.

Мульчу оттащили к стене. Погрузчик снял первые мешки грунта, поставил их в два ряда, и тут из склада вышел Костя, монтажник «Листа», с пустыми руками.

— Фитингов нет, — сказал он Вике.

— На второй полке в синем ящике.

— Там диски для камня.

Седой повернулся к нему.

— Диски были в сером ящике.

— Теперь в синем.

Они вошли на склад втроем. Дарья последовала за ними. Ещё вчера вдоль стен стояли подписанные стеллажи: зелёная полоса для «Листа», белая для «Кромки». За ночь порядок изменился. На зелёной полке лежали коробки с крепежом, мотки кабеля и камнерезные диски. Фитинги оказались на полу за мешком сухой смеси. Один пластиковый пакет был раздавлен, две муфты треснули.

— Кто это переносил? — спросила Вика.

Молодой рабочий «Кромки» у двери поднял руку.

— Я. Нам привезли крепёж, на белой стороне места не было.

— Можно было спросить.

— Было одиннадцать вечера.

— Можно было написать.

— Написал в чат.

Он показал телефон. Сообщение действительно было, только отправлено в чат «Кромки», где никого из «Листа» не было.

Костя поднял пакет с муфтами.

— Кто оплатит?

— Я перенёс, я и оплачу, — сказал рабочий.

— Из какой зарплаты? — резко спросил Седой. — Тебе сказали убрать с проезда, ты убрал.

— На чужую полку, — ответила Вика.

— Потому что ваша мульча заняла наш угол.

За открытой дверью погрузчик дал задний ход; предупреждающий писк резал утренний воздух. В тесном складе четверо взрослых людей стояли вокруг двух треснувших муфт стоимостью меньше обеда и спорили уже не о них. Дарья узнала опасный момент: если сейчас выяснять, кто начал первым, к полудню у каждой команды будет свой список нарушений, а сад не получит ни метра трубы и ни одной плиты.

— Все наружу, — сказала она. — Склад закроем на пятнадцать минут.

— Нам нужны диски, — возразил Седой.

— Возьмите сейчас. Вика забирает фитинги. Потом никто сюда не входит, пока мы с Матвеем не освободим полки.

Матвей стоял в дверях. Он пропустил людей, вошёл последним и оглядел помещение.

— Моя ошибка с замком, — сказал он. — Должен был оставить ключ в боксе.

— И моя с доставкой. Но полки не выдержат неделю, если каждая новая коробка важнее разметки.

— Белой стороны мало.

— Зелёной тоже. Значит, мы неправильно поделили не людей, а место.

Матвей снял с полки коробку крепежа, взвесил в руках и поставил на пол.

— Камень хранится снаружи. Внутри у нас расходники и инструмент. У вас половину стеллажа заняли пустые кассеты из-под горшков.

— Они возвратные.

— Но сегодня не нужны.

Дарья прошла вдоль своей стены. Он был прав. Кассеты можно сложить в фургон и отвезти поставщику вечером. На нижней полке стояли три открытых мешка удобрений, хотя на объект каждый день брали не больше одного ведра. Напротив у «Кромки» лежали запасные удлинители, два ящика защитных очков и старый тент.

— Делим не пополам, — сказала она. — Делим по сроку хранения. Всё, что нужно сегодня и завтра, остаётся. Недельный запас — в машинах или на своих базах. Общее место у двери — только для выдачи на смену.

— Машины не склад, — сказал Матвей. — Инструмент украдут.

— Тогда запираемый шкаф для дорогого. Один ваш, один наш.

— И полка для того, что приехало после закрытия.

— До утра, не навсегда.

Он нашёл мел, которым рабочие метили камень, и провёл на полу прямоугольник у дальней стены.

— Ночная зона. Поставил — сфотографировал в общий чат. До восьми руководитель смены убрал.

— Если не убрал?

— Его груз не принимают следующим вечером.

— Слишком удобно наказывать доставку за человека.

— Тогда оплачивает час подсобника из бюджета своей мастерской.

Дарья присела и подписала прямоугольник: «ДО 8:00». Рядом нарисовала стрелку, чтобы коробки не перекрывали щиток. Матвей добавил крест возле двери: проход не занимать ничем. Они двигали ящики без помощников. Через десять минут полки снова различались по цвету, а у входа появилась пустая площадка размером с два поддона.

Когда Дарья вынесла возвратные кассеты, грунт уже разгрузили. Погрузчик уходил к саду. Водитель грузовика протянул ей накладную и указал на часы: уложились без платного простоя.

— Повезло, — сказала Вика.

— Нет, — ответила Дарья. — Просто чужой простой оплатили временем каменщиков.

У южных ворот сада их ждала новая очередь. Погрузчик снимал плиты с машины «Кромки», поэтому фургон «Листа» не мог проехать к северной аллее. Костя с двумя рабочими понесли мешки грунта на тележках. Пройти можно было только по старой дорожке, где Матвей уже снял часть покрытия. Колёса проваливались в песок.

— Мы должны сегодня разложить полив, — сказал Костя. — Пока ваши не закроют основание.

— А мои должны закрыть основание, пока не пошёл дождь, — отозвался Матвей.

Небо над клубом было светлым, но на западе собиралась ровная серая полоса. Прогноз обещал дождь после четырёх. Если каменщики не уплотнят открытый участок, вода размочит песчаное основание. Если «Лист» не проложит поперечные гильзы для труб, после укладки придётся снимать плиты.

— Сначала гильзы, потом плиты, — сказала Дарья.

— Гильзы на третьей секции, — ответил Матвей. — Мы работаем на первой.

— Нам не пройти к третьей из-за твоей разгрузки.

— Разгрузка закончится через сорок минут.

— За сорок минут мы могли бы уложить половину линии.

— Если бы вчера принесли гильзы.

— Вчера здесь работал твой резчик, и ты сам запретил проходить рядом с ним.

Костя и Седой замолчали. Дарья почувствовала, что спор снова собирает зрителей и тем самым становится упрямее. При рабочих нельзя было легко отступить: любое «ладно» слышалось как поражение своей команды.

Матвей тоже это понимал. Он посмотрел на людей и сказал:

— Седой, продолжай разгрузку. Костя, покажи Дарье маршрут трубы. Мы отойдём.

Они поднялись на крыльцо клуба. Отсюда сад был виден почти весь: раскрытые полосы дорожек, кучки снятой плитки, старые яблони и два десятка людей, которые двигались каждый по своей короткой задаче. Общего дня не существовало. Были отдельные руки, тачки, машины и решения, сталкивающиеся в узких местах.

— Мы составили календарь по работам, — сказала Дарья. — Но не составили очередь доступа.

— Потому что считали двор и сад пустыми.

— И потому что каждый записывал только свою операцию. В таблице есть «разгрузить камень», но нет «закрыть южные ворота». Есть «проложить полив», но нет «занять старую дорожку тележками».

Матвей опёрся ладонями о перила.

— Если будем описывать каждое колесо, утонем в записях.

— Не каждое. Только то, что перекрывает общее место или останавливает другую команду.

— Кто решает, что останавливает?

— Тот, кого остановили, скажет уже поздно.

Внизу Костя показал на дальний участок, потом на плиту возле разгрузки. Седой покачал головой и подозвал его. Они наклонились над планом, разложенным на капоте.

— Два коротких совещания, — сказал Матвей. — В семь перед работой и в пять перед заказом машин. По десять минут. Называем три вещи: где занимаем проезд, что нельзя трогать и от кого зависим.

- В пять меня часто нет во дворе.
- Значит, будет Вика.
- Ты сейчас назначил моего человека.
- Он повернул голову.
- Предложил.
- Предлагай ей самой.
- Матвей помолчал.
- Справедливо.

Дарья отметила это короткое признание почти телом. Вчера Олег объяснял ей, что решения можно принимать заранее ради пользы всех. Матвей только что сделал то же самое в мелочи — и остановился после одного замечания, не превращая её возражение в неблагодарность.

- Спрошу Вику, — сказала она. — От «Кромки» кто?
- Седой или я. И нужен один календарь, не две вкладки.
- С цветами мастерских.
- Только без салатного текста на белом. Его не видно.
- Это зелёный.
- Это испуганный зелёный.

Она хотела не улыбаться и всё-таки улыбнулась. Матвей смотрел на сад, но уголок его рта тоже дрогнул.

— Есть ещё правило, — сказала Дарья. — Срочная работа не становится первой только потому, что человек громче всех её назвал.

— Тогда как?

— Сначала безопасность. Потом то, что испортится от ожидания. Потом операция, от которой зависят другие. Остальное — по записи.

— Сегодня камень портится от дождя, а ваш полив держит третью секцию.

— Значит, не спорим, что важнее вообще. Освобождаем проход к третьей секции и одновременно закрываем первую.

Матвей позвал Седого. Тот поднялся на крыльцо, выслушал и сразу нашёл недостаток:

- Погрузчик нельзя убрать, пока не сняты два поддона.
- Можно переставить машину ближе к стене клуба? — спросила Дарья.
- Водитель не полезет под ветки.
- Если Матвей проведёт его?

Седой посмотрел вниз, прикинул расстояние.

— Тогда тележка пройдёт по краю.

Матвей спустился к водителю. Через пять минут машина стояла вплотную к стене, ветки старой яблони были стянуты мягкой лентой, а между колесом и снятой дорожкой остался проход шириной чуть больше метра. Костя провёл первую тележку. Седой придержал съезжавший мешок и буркнул, чтобы грузили по одному, иначе разобьют край основания.

Работа двинулась сразу в двух направлениях. Дарья прошла с Костей до третьей секции, проверила отметки для гильз и вернулась к разгрузке. Матвей стоял на поддоне и принимал плиты по одной, осматривая края. Его куртка была расстёгнута, рукава закатаны. На предплечье белела свежая царапина.

- Ветка? — спросила Дарья.
- Поддон.
- Обработай.
- Уже.
- Врёшь.
- Почему?

— Потому что на обработанной царапине не лежит каменная пыль.

Он спрыгнул на землю.

— У вас в аптечке всё ещё средство, которое жжёт сильнее раны?

— Зато действует.

— Это не ответ агронома.

Дарья принесла аптечку из фургона. Матвей протянул руку без дальнейшего спора. Она смыла пыль, провела салфеткой вдоль царапины и почувствовала, как он перестал шутить. Его ладонь была раскрыта рядом с её запястьем, тёплая, в мелких белых порезах. Вокруг грохотали плиты, пищал погрузчик, Костя звал кого-то принести нож. Их близость не была тайной сценой; именно поэтому казалась опаснее. Любой мог посмотреть и увидеть только первую помощь. Дарья видела, как Матвей следит не за салфеткой, а за её лицом.

— Готово, — сказала она и отпустила его руку.

— Спасибо.

Он заклеил царапину сам. Это маленькое движение вернуло между ними правильное расстояние.

К одиннадцати гильзы лежали под дорожкой, первая секция была закрыта плитой, а серое облако дошло до крыши клуба. На общий стол под навесом Вика принесла распечатанный лист. Сверху крупно написала: «ЗАНЯТИЕ ОБЩИХ МЕСТ».

— Матвей рассказал про утреннее правило, — сказала она. — Я согласна вести вечернюю сверку, если это считается рабочим временем, а не моей добровольной любовью к таблицам.

Дарья кивнула.

— Считается. Полчаса в день по проекту.

— Десять минут, — поправил Матвей.

— Десять — само совещание. Ещё надо собрать заявки и обновить лист.

— Тогда по пятнадцать минут оплачивает каждая мастерская, — сказал он. — Она не наш диспетчер целиком.

Вика положила рядом маркер.

— И я не принимаю решения за вас. Если два груза хотят одни ворота, звоню обоим. Не ответили за десять минут — более ранняя запись остаётся, поздняя переносится.

— Разумно, — сказала Дарья.

Седой прочитал лист.

— А если авария?

— Безопасность первая, — ответила Вика. — Потом то, что портится. Потом зависимые работы. Так Дарья записала.

— Кто подтверждает аварию?

Матвей взял маркер и дописал: «Остановка из-за безопасности — любой. Возобновление — руководитель своей работы после проверки».

— Любой может остановить и не бояться, что ему вычтут простой, — сказал он. — Но запустить обратно самовольно нельзя.

Дарья вспомнила живые корни под плитами. Это правило родилось не из красивой мысли, а из того утра, когда один человек уже остановил работу и оказался прав.

— Добавь: чужие материалы не переносить без сообщения, кроме освобождения аварийного выхода. Если перенёс — фотография и точное место.

— И ночную зону склада до восьми, — сказал Седой.

— И ключ в кодовом боксе, — добавила Вика.

Матвей написал код на отдельной карточке, сфотографировал её для общего чата и разрезал старую пластиковую бирку на две половины. Одну отдал Вике, вторую Седому.

— Ответственные за закрытие, — сказал он. — Не хозяева склада.

Дождь начался в половине второго. Крупные капли застучали по навесу и сразу прибили пыль на дорожке. Под ним собрались обе команды: мокрый Костя, Седой с рулеткой на шее, Вика, рабочие в одинаково грязных жилетах. Утром они стояли здесь двумя группами. Теперь перемешались вокруг листа, потому что каждый хотел вписать завтрашнюю машину раньше другого.

— По одному, — сказала Вика. — Сначала то, что занимает ворота.

— Щебень в шесть тридцать, — сказал Седой.

— Саженцы в восемь, — сказал Костя.

— Какие саженцы? — спросила Дарья.

— Кустарники для площади. Питомник подтвердил.

Она почувствовала раздражение: подтверждение пришло Косте, не ей. Потом увидела на листе, что он не попытался сразу объявить доставку решённой.

— В восемь нельзя, — сказала Вика. — Щебень до восьми тридцати.

— Питомник может к девяти, — ответил Костя. — Я уточнял окно.

— Ставлю девять. Где разгрузка?

— У главного входа, руками. Проезд не закрываем, но займём навес для осмотра корней. Матвей поднял взгляд.

— В девять под навесом режем плиты.

— После дождя вы всё равно не начнёте ровно в девять, — сказал Костя.

Седой уже открыл рот, но Вика постучала маркером по листу.

— Не гадаем за чужую работу. Матвей?

— Резку перенесём к боковой стене, если электрик подтвердит розетку. До пяти отвечу.

На этом спор закончился. Не потому, что команды внезапно полюбили друг друга, а потому, что у каждой помехи появилось время, место и человек, обязанный дать ответ.

Дарья отошла к краю навеса. Вода текла с крыши ровной прозрачной стеной. За ней сад темнел, старая плитка блестела, свежая оставалась укрыта плёнкой. Матвей встал рядом, не касаясь её.

— Половину погрузчика я всё-таки оплачу, — сказала она.

— Я уже вписал в расходы двадцать минут на «Лист».

— Без моего согласия?

— В общий лист. Ты можешь оспорить.

— Не буду.

— Тогда это страшная победа самоуправства.

Она повернулась к нему.

— Не привыкай.

— К чему именно?

Дарья могла ответить: к тому, что она стоит рядом; к тому, что замечает царапины; к тому, что его спокойное признание ошибки действует сильнее любых попыток понравиться. Вместо этого она показала на лист под навесом.

— К общему дню. Он только первый.

Матвей посмотрел туда же. Вика переписывала грязный черновик начисто. Седой держал край бумаги, чтобы его не завернуло ветром. Костя фотографировал расписание для чата. На складе всё ещё пахло сухой смесью и удобрениями, во дворе остались мешки не на своих местах, завтра наверняка появится новый груз, который никто не предусмотрел. Но теперь чужая работа перестала быть помехой без имени. Её можно было увидеть до того, как она перекроет ворота.

— Первый, — согласился Матвей.

Дарья протянула ладонь за край навеса. Дождь бил по пальцам холодно и сильно. До конца смены оставалось три часа, и ни одна из двух мастерских уже не могла сделать вид, что работает в саду одна.

Глава 7. Липы для площади

Результаты лаборатории пришли в пятницу в семь двенадцать утра, когда Дарья стояла у чайника и пыталась вспомнить, зачем открыла верхний шкаф.

Письмо содержало семнадцать файлов. Шестнадцать оплаченных проектом анализов и один, который она заказала за свои деньги, чтобы не спорить с Олегом о лишней строке в смете. Дарья выключила чайник, перенесла ноутбук на кухонный стол и открыла сводный лист.

Кислотность, содержание органики, подвижный фосфор, калий, засоление. Цифры выглядели не пугающе. На площади у клуба верхний слой был бедным и уплотнённым, но пригодным после замены части грунта. У старых яблонь земля оказалась лучше, чем ожидалось. Северная аллея в сводной пробе дала почти нейтральную кислотность и среднюю обеспеченность питанием.

Дарья перечитала последнюю строку дважды.

Сводная проба была той самой, в которой они объединили глубокие образцы с западной и восточной сторон. Вика предупреждала: смесь покажет среднее и спрячет различия. Но для посадочных ям важен был не только глубокий слой. Верхние пробы они сдавали отдельно, а плотную глину нашли локально и уже отметили на карте. Если предусмотреть дренирующую прослойку, разрыхлить стенки ям и не заглублять корневые шейки, липы должны были прижиться.

«Должны» было обычным рабочим словом. Ни одно живое дерево не давало обещаний.

Она открыла карту проб. Северная аллея делилась на шесть будущих посадочных мест. Для двух были отдельные данные верхнего слоя. Для четырёх — общая глубокая проба. Дарья приблизила схему и увидела возле западной точки короткую пометку Вики: «влажно после трёх сухих дней». Геодезист тоже показывал небольшой уклон к западу.

Чайник щёлкнул, остывая. Дарья не налила воду.

В восемь ей нужно было подтвердить питомнику двенадцать лип: шесть для площади, шесть для северной аллеи. Хорошие деревья с ровным штамбом, сформированной кроной и комом нужного размера держали для них только до полудня. Если отказаться, следующая партия придёт через три недели. Срок не убивал сад, но менял график: технике пришлось бы возвращаться, часть покрытия оставлять открытой, повторно собирать бригаду. Олег назвал бы это расходами из-за перестраховки. Матвей, вероятно, спросил бы, какой факт нужен для решения.

Дарья знала ответ. Нужны были отдельные глубокие анализы всех шести мест. Их можно получить за четыре рабочих дня, если отвезти сохранённые пакеты сегодня. Но питомник не обязан ждать.

Она позвонила Вике.

— Ты уже видела письмо?

— Только открыла.

— Что скажешь по северной аллее?

На том конце повисла пауза.

— Что среднее получилось хорошее.

— Я спрашиваю не это.

— Тогда скажу, что запад мне всё ещё не нравится. Но верхние пробы там не аварийные.

Если делать высокую посадку и отвести воду, липа может жить.

— Может или будет?

— Так я тебе не отвечу даже с шестью анализами. Мы говорим о дереве.

Дарья провела пальцем по краю ноутбука.

— Пакеты сохранились?

- Все. Холодильник опечатан нашей лентой.
- Привези западные два отдельно в лабораторию. Срочный анализ, за мой счёт.
- А питомник?
- Площадь подтверждаем. По аллее прошу бронь до вторника.
- Они вчера сказали до сегодня.
- Я сама позвоню.

Питомник ждать не согласился. Менеджер говорила вежливо, но за двенадцатью липами стоял другой заказчик. Можно было подтвердить все деревья, только шесть или ни одного. Разделить партию и оставить аллеи до вторника — нельзя.

- Тогда подтверждаю шесть для площади, — сказала Дарья.
- Вы уверены? Следующая поставка этого размера ориентировочно через три недели.
- Уверена.

Она произнесла это легко и после звонка поняла, что решила лишь половину задачи. План открытия требовал законченного вида парадной части; площадь без аллеи допустима. Но на схеме посадок липы стояли и там, и там, одним рядом ведомости. Сегодня Беляева ждала окончательную карту, чтобы согласовать места с освещением и уборочной техникой.

В сад Дарья приехала к девяти. Под навесом уже лежали шесть бирок из питомника. Костя принял машину строго по новому расписанию и поставил липы в тень. Комья были обернуты мешковиной и стянуты сеткой, ветви связаны мягкими лентами. Одно дерево имело потёртость на коре. Вика сфотографировала её и внесла в акт до разгрузки.

— Вот эти мне нравятся, — сказала Тамара Ильинична, обходя ряд. — Не перекормленные. И ветка начинается не у самой макушки.

— Для площади, — ответила Дарья. — Аллею пока не везём.

Садовница остановилась.

— Почему?

— Жду отдельный результат по западным местам.

— Там вода.

— Насколько долго стоит весной?

— По щиколотку бывало. Но это до того, как канаву у забора почистили. Теперь лужа дня два после снега.

— Где именно?

Тамара Ильинична повела её к северной аллее. Трава скрывала мелкий рельеф, но у западного края росли осока и тёмный мох. В двух метрах земля выглядела сухой. Дарья присела, вдавила в почву металлический шуп. На глубине сорока сантиметров он пошёл туго, потом вынулся с серой липкой глиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.